

ДЖОН М. ФОРД

Дракон - не - Преступник

ВСЕМИРНАЯ
ПРЕМИЯ
ФЭНТЕЗИ

fanzon

Fanzon. Fantasy World. Лучшая современная фэнтези

Джон М. Форд

Дракон не дремлет

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

Форд Д.

Дракон не дремлет / Д. Форд — «Эксмо», 2020 — (Fanzon.
Fantasy World. Лучшая современная фэнтези)

ISBN 978-5-04-163542-8

Война Алой и Белой розы возводит на английский трон Эдуарда IV. Блистает двор Лоренцо Медичи Великолепного. В Милане строит заговоры герцог Галеаццо Мария Сфорца. Но всё это – альтернативный мир без доминирования христианства и ислама, в котором средневековой Европе угрожает Византийская империя. Сфорца, герцог-вампир, собирает свои силы для давно запланированного нападения на Флоренцию, но и Византия не дремлет. Изгнанный наследник престола, ставший наемником, молодая женщина-врач, вынужденная бежать из Флоренции, и валлийский волшебник на первый взгляд не имеют общих целей, но вместе они плетут заговор против могущества Византии, стремясь передать английский трон Ричарду, герцогу Глостеру, и сделать его королем Ричардом III.

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-163542-8

© Форд Д., 2020

© Эксмо, 2020

Содержание

Предисловие	6
Историческое замечание	12
Тени в порядке явления	13
Часть первая	15
Глава 1	15
Глава 2	28
Глава 3	49
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Джон М. Форд

Дракон не дремлет

John M. Ford

THE DRAGON WAITING

Copyright © 2020 by John M. Ford

Published by arrangement with Tom Doherty Associates. All rights reserved.

Cover © 2021 by Stephan Martinier. All Rights Reserved.

© Е. Доброхотова-Майкова, перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Предисловие

I. Corax¹

Начинаем с фокуса: Джон М. (Майк) Форд, двигая бровями, раскладывает Византии на столе и указывает на них жестом иллюзиониста.

– Итак, дамы и господа, а теперь будьте очень внимательны. Следите, где настоящий Константинополь, – говорит он, тасуя Царьграды. У бровей Майка есть два выражения, полу-Гэндальфовское и полностью Гэндальфовское, и они переключаются, как железнодорожные стрелки, пока он раскладывает города перед вами (или передо мной; давайте считать, что «вы» в данном случае означает любое существо во вселенной, которое не было и никогда не будет Майком Фордом). За его пальцами не уследишь, но разыгрывают они действие или отвлекают?

Один за другим появляются Византии, жемчужины мира, Города с большой буквы.

Византий, где и впрямь существуют вампиры и колдуны. Византий, где христианство уничтожили и закрепился религиозный плюрализм Юлиана, где распространились и сохранились мистические культы вроде митраизма. Византий, где ислам не возник и не стал угрозой с Востока. Византий, где Франция не стала Францией, а Галлия разделена между Империей на востоке и Англией на западе. Византий, где Рим пал, но Империя простояла еще по меньшей мере тысячу лет. Как минимум пять Византиев, и это не предел.

Тут Майк делает что-то пальцами, а может быть, бровями, и на столе остается лишь один Византий.

– Черт, – говорите вы. – Вот так фокус! Все эти города сложились в один.

– Города? – спрашивает он.

Вы смотрите на стол. Византий исчез. На его месте несколько машинописных абзацев, рукописные заметки, тонкие полоски текста, рассыпанные на обшарпанном столе.

– Так вот что это было? – шепчете вы. – Создать иллюзию Города, стольких Городов, из таких простейших материалов. Просто невероятный фокус!

– Ой. Я это проделал? – Брови Майка опускаются, как навесы над витриной. Он мягко стучит вас пальцем по виску и с улыбкой отворачивается. – Ну и воображение у тебя, малыш.

II. Nymphus²

Если существует альбом *Velvet Underground*³ фантастических романов 1980-х годов, то вы держите его в руках. «Дракон не дремлет», впервые напечатанный в 1983-м, тут же стал культовым артефактом, книгой, вызывающей восторг, изумление и священный ужас. Надеюсь, по меньшей мере одно из этих чувств охватит вас при ее чтении. Вообще-то я надеюсь, что вас охватят они все и останутся с вами навсегда, как остались с теми, кто уже спустился в эту пещеру, ощутил кольцо огня и выучил одно-два секретных рукопожатия. Не поймите меня превратно; я не говорю, что роман вам всенепременно понравится. Ни одно литературное творение в истории не дает таких гарантий. Однако смело могу утверждать, что «Дракон не

¹ Ворон (лат.) (Здесь и далее – примечания переводчика.)

² Жених (лат.)

³ Velvet Underground (букв. «Бархатное подполье») – американская рок-группа, созданная в 1964 г.; ее менеджером был Энди Уорхолл. Хотя пластинки Velvet Underground продавались небольшими тиражами, группа оказала огромное влияние на развитие альтернативной и экспериментальной рок-музыки.

дремлет» – исключительная книга. Единственная в своем роде. Абсолютно, чертовски самостоятельная, но при этом открыто заигрывающая с каждым традиционным фантастическим жанром, ни одному не дающая себя увлечь, однако каким-то образом сохраняющая со всеми превосходные отношения.

Это альтернативная история, обрамленная глубокими знаниями эпохи, усеянная выразительными деталями и глубокими аллюзиями. Это озорная романтизация прошлого, которая ухитряется не отрываться от почвы. Жестокость остается жесткостью, опасность – опасностью, в мире есть кровь, болезни и мрачнуха, где положено. Это умственная игра в теннис, Легендариум Британии против римских мистерий, а Уильям Шекспир – линейный арбитр. Здесь есть интриги, убийцы, заговоры, встречи в тавернах – отборные мелодраматические штампы, любовно раскрашенные вручную и выставленные для услаждения наших глаз. Здесь есть вампир-артиллерист, который с каменным лицом произносит лучшие убойные шутки. Минуточку. Вампир-артиллерист... убойные... Сейчас январь 2020-го, и до меня только сейчас дошло. Понимал ли Майк, что делает, когда почти сорок лет назад вставил в книгу этот ассоциативный каламбур? Если кто и мог...

Концепций, ветвящихся замыслов и мощных «что, если бы» в «Драконе» хватило бы на пяток романов, но здесь они танцуют рядом, оставляя между собой место для божеств нескольких религий. Это еще одно умение Майка Форда: набить мир до отказа и в то же время оставить его таким дразняще недоисследованным.

Он блуждал где вздумается, движимый одной из самых дисциплинированных причуд (или причудливых дисциплин) в фантастике. Он не довольствовался тем, что в его книге будет смысл. Смыслы должны тесниться и не просто занять все доступное пространство, даже если это само по себе впечатляет; они должны катализировать, должны творить видимые и невидимые чудеса, создавать литературный эквивалент черенковского излучения.

Когда Майк разворачивает перед вами абзац, вы ощущаете незримое, далекое содрогание – что-то смещается в другой сюжетной линии. Двойной смысл – стандарт, тройной смысл – разминка. Майк был поэт, и все им написанное поэтически спрессовано и служит несущей опорой для конструкции с непостижимым числом измерений.

III. Miles⁴

Каким он был поэтом?

Давайте опишу еще один ловкий фокус.

Я жажду славы. А вы?

Вообразите, что мы поднимаемся к вершине Геликона по древней дороге, петляющей меж острых скал. Склон кишмя кишит литераторами. Все мы, поэты и прозаики, пришли сюда ради Музы или хотя бы намек на нее. Мы карабкались, мечтая различить ее промельк за деревьями или увидеть ее след в дорожной пыли, увидеть хоть что-нибудь. Нас тут тысячи, и у каждого есть план, душещипательная история, сделка, которую мы рассчитываем заключить. Мы все хотим припасть к сладостному ключу Ипокрены. Все хотим, чтобы из наших пальцев били молнии и перетекали в клавиатуру, но на рынке Муз спрос многократно превышает предложение, и нам ничего не светит. Мы предлагаем надежды, грезы, время, деньги, страхи, здоровье, жизнь, душу. Бесполезняк. Старый храм на вершине заперт на засов, табличка изящным шрифтом гласит: «Закрето».

Внезапно по долине раскатывается рев мотора, заглушая блеянье овец внизу. Это Джон М. Форд на красном спортивном автомобильчике! У него даже верх открыт! Он мчит по раз-

⁴ Воин (лат.)

битой дороге, ловко огибая торчащие камни, и плавно тормозит под сенью древнего храма. Дважды жмет на клаксон, выходит из машины и подбрасывает в воздух связку ключей.

– Мое предложение такое, – говорит он. – Я пушу тебя за руль. Можешь ехать, куда хочешь и сколько хочешь.

Подброшенные ключи не падают на землю. Их подхватывает изящная ладонь, которой не было тут мгновение назад.

Она – кто бы она ни была – проскальзывает за руль. Вновь слышно звяканье ключей. Мотор рокочет, как грозовая туча. Майк устроился на пассажирском месте, и вид у него донельзя довольный. Водительница передает ему лавровый посох, просит поддержать. Затем они в облаке пыли уносятся по древней дороге, а мы, деморализованные претенденты на Музу, только отпрыгиваем на обочину. Майк машет рукой.

«Ах ты, сукин сын», – бормочете вы, впрочем, без всякой злобы. На Майка невозможно сердиться всерьез. Он просто знал что сказать, и это умение будет с ним всегда, вне расписаний, блистательное, неугомонное и беззаконное. Овцы снова блеют. Майк исчез вдаль. Это вполне может быть его портрет на титульном листе книги: он исчезает вдаль, а мы, оставшиеся позади, вопрошаем за кадром: «Как, черт возьми, ему это удалось?»

Таким поэтом был Майк Форд. Может быть, лучшим в своей стране и в свое время, и определенно понятия не имеющий, куда его занесет.

IV. Leo⁵

Для того чтобы построить мир, мало соблюсти расстояния на карте, хотя Майк и это сделал с величайшим тщанием. Из такой скрупулезности и рождается красота «Дракона», его искрометное очарование, то, что можно назвать ощущением фактуры. Я уже упомянул, что в этом мире Юлиан (Мудрый) не был заколот копьем, после того как ринулся в бой без панциря, как Юлиан (Отступник) в нашем, и остановил распространение христианства, поддержанного его дядей Константином. Империя в «Драcone» – мешанина культов и теизмов, где закон не дает ни одной религии преимуществ. Удивительно, что роман, действие которого происходит через тысячу лет после этой кардинальной исторической развилки, создает тем не менее ощущение подлинного, знакомого Средневековья. Всё, от слов в устах персонажей до ценностей у них в голове, от суровых постоянных дворов Уэльса до фривольной атмосферы флорентийских пиров, кажется настолько правильным, уместным и аутентичным этой языческой картине, что история перестает восприниматься как альтернативная.

Если вы и впрямь забудете, что Ричард III не ушел живым с Босвортского поля, не огорчайтесь. Вы не одиноки. В том-то и суть фокуса. Майк Форд с его пятью Византиями и быстрыми пальцами наперсточника. А иногда он выкладывает на стол еще и Медичи, Передиров и Вудвиллов. Вы не успеваете следить глазами за реальностью, потому что глаза тут ни при чем. Брови? Ну... Хм.

V. Perses⁶

Джон М. Форд умер внезапно и чересчур рано (это было бы чересчур рано в любом возрасте) в 2006-м, оставив юридически недействительное завещание, из-за которого его литературное наследие оказалось подвешенным. Казалось, надежды нет: почти ничего из написанного им нельзя будет переиздать до истечения срока авторских прав, то есть до трехсотлетнего

⁵ Лев (лат.)

⁶ Перс (лат.)

юбилея Соединенных Штатов Америки. Но иногда луч света проникает во тьму. Иногда люди задают вопросы и начинают аккуратно распутывать узлы былых непониманий. Вы держите в руках плод их усилий – новехонькое издание сокровища, напечатанное с благословения родных Майка благодаря усилиям и преданности его друзей и читателей.

Я никогда не встречался с Майком лично (сожаления, по определению, приходят запоздало). Я жил в неведении и не понимал, что теряю. Позже счастливые обстоятельства жизни и карьеры свели меня со многими, кто любил Майка, и дали мне случай увидеть в их глазах его призрака. Знаю, не мое дело помещать на этих страницах новую эпитафию, но я снова злюсь, что потерял Майка раньше, чем успел с ним познакомиться, и очень хочу описать его как можно более правильными словами, как он того заслуживает. Каким был бы самый скромный подобающий монумент? Исполинский пылающий луч, бьющий с небес, достаточно жаркий, чтобы испарить свинец? В силах ли я написать нечто подобное? Как мне создать что-то, сопоставимое с ним?

Допустим, я стою в чистом поле. Собираю все, что во мне есть, всю огневую мощь моего голоса. Я поднимаю увеличительное стекло, вызываю прозрачный язычок жара. Я подобен ребенку, который выставил два пальца и представляет, что это бластер. С тем же успехом я мог бы сказать: «Пиф-паф!»

И тут я поднимаю взгляд.

Вот оно! В полмили шириной, бьет оттуда, где синева встречается с чернотой, расплавленное золото в ореоле дрожащего жара. Колонна света. Наименьшее достойное напоминание вселенной, что ей случилось встряхнуть в стаканчике игральные кости и выбросить нечто настолько замечательное, как Майк Форд.

Не я зажег этот луч.

Разумеется. Разумеется. По другую сторону исполинского золотого столпа прохаживается Майк, что-то черкает на обороте старой дорожной карты. Он не нуждался в том, чтобы я писал ему пламенную эпитафию. Он каким-то образом заготовил ее заранее и оставил там, где, на его вкус, ей надлежало быть, и она стояла здесь, дожидаясь, когда ее заметят. Очень в духе Майка Форда.

– Майк! – ору я. – Привет! Вы меня не знаете, но иногда я стою перед зеркалом и пытаюсь себя убедить, что каким-то образом унаследовал два фрагмента ваших бровей. Как вы угадали, что мне именно в этом абзаце нужен пылающий золотой луч, соединивший небо и землю?

– А, это? – Майк смотрит на огненное зарево и проделявает свой фокус бровями. (Ну, у меня есть две смешные бровки, карандашные черкушки рассеянного художника, но брови Майка в сравнении с бровями обычного смертного – все равно что Рука Кирби в сравнении с заурядным человеческим кулаком.) – Если честно, я понятия не имею, зачем это сюда поместил. Может, когда-нибудь вспомню.

– Что? Погодите. Вы меня подкалываете? Это ваше всегдашнее дважды обманное опровержение из серии «догадайся сам»? Мне? Когда я пишу о вас?

– Интересные вопросы, верно? – Майк улыбается и, хочется верить, не только потому, что я о нем пишу. – У меня сейчас мысли заняты другим. Я тут дописываю одну безделицу. «Еще пятьдесят оригинальных способов применить лавровый посох в домашнем быту». Дошел пока до сорок седьмого. Когда закончу, может быть, напишу вам постскрипtum.

– Или, – говорю я, – сейчас вы постучите меня по голове и скажете: «Ну у тебя и воображение», намекая, что я извлек из ваших авторских ремарок великие невозможности... вроде этого огненного столпа.

– Сдается, вы загнали себя в ситуацию «из огня да в полымя». И вообще, что за огненный столп?

Майк небрежно взмахивает рукой. Исполинский луч золотого пламени погас, погас некоторое время назад. На его месте – записка, накорябанная на оторванном уголке старой дорожной карты. Она гласит:

[Некоторые слова] и [что вы в них вчитаете]

Он уже исчез вдали.

Как, черт возьми, ему это удалось?

VI. Heliodromus⁷

Наверное, честность требует сказать, что сейчас, в двадцатых годах двадцать первого столетия, есть некоторые черты массовой фантастики, которых читатель привык ожидать, и тем, кто воспитан на такого рода чтении, «Дракон» может показаться трудным. Он не ставит себе целью дать однозначные ответы. Собственно, в системе романа нельзя даже сказать, что такие ответы существуют. Есть некая почти детерминистская разновидность крепко сбитого повествования, в которой все правила игры подробно изложены, каждая способность четко определена, каждый исход ясно обозначен, каждый вопрос понятно разъясняется, прежде чем читатель дойдет до последней страницы. Это, должен сказать, прямая противоположность корпусу текстов, известному как «все, что написал Майк Форд». Не ищите здесь предложений и абзацев, сколоченных без единой щелочки. В произведениях Майка полно дыр самого замечательного свойства. Что пробивается в щелочки суперструктуры? Свет, друзья мои.

Как сам Форд сказал в 2002 году в интервью Фреду Бушу и Мэри Энн Моханрадж: «На мой взгляд, в идеале надо показывать события, и пусть читатель сам решит, что они значат. Иногда читатель увидит не то, что задумал автор; это, безусловно, верно по отношению к попыткам эмпирически расшифровать реальность».

Отсюда не следует, что «Дракон» сложен для восприятия. Ничего подобного. Я бы сказал, что это приятное чтение и что книгу отличает исключительно стройный слог. Есть замечательные исторические романы, созданные, судя по всему, исходя из теории, что если бросить читателя в воду и придавить сотнями тонн свинца, это поможет ему быстрее отрастить жабры. На память приходит цикл Патрика О’Брайана про Обри и Мэтьюрина и «Хроники Лаймонда» Дороти Даннет. Я с удовольствием прочел оба цикла, но должен сказать, поначалу через них продираться нелегко. Майк не менее сведущ в тонких материях, но играет с ними в другие игры.

Не многие авторы могут соперничать с Фордом в отточенности технологии. Он выстраивает сюжет как фокусник или импресарио, но фразы оперирует, как хирург. Его нежелание добавлять текст объяснениями придает книге поразительную информационную плотность; вновь и вновь вы видите короткие предложения или емкие описания, выполняющие работу незримых страниц. В мастерски созданной атмосфере такая метода будит воображение. И стремительное действие, и неспешные разговоры Форд писал с той элегантной экономией движений, какую являют лишь вымышленные мастера боевых искусств, которые устраняют любую угрозу одним точным поворотом запястья или молниеносным тычком мизинца. Смакуйте его слог, перекачивайте в голову фразы, выискивайте умолчания, которые зачастую так же восхитительны, как все сказанное и написанное.

Держитесь, даже если почувствуете, что запутались, не отступайте, ради всего прекрасного, ибо мало романов, так вознаграждающих читателя за упорство.

⁷ Солнечный вестник (лат.)

VII. Pater⁸

Итак. Последний фокус. Мистерии пройдены. Ворон, жених, воин, солдат, лев, перс, солнечный вестник, отец. Ты получил откровения, обещания и предостережения, висел во тьме, окруженный кольцом ветра и огня. Не обращай внимания на чрезвычайно подвижные брови человека, управляющего машиной, которая производит ветер и огонь. Это часть спектакля. За время ожидания я нашептал тебе на ухо больше, чем следовало. Теперь «Дракон» расскажет о себе меньше, чем хотелось бы, потому что в этом мире есть дыры, дыры самого великолепного свойства, которые Майк устроил своими руками, чтобы в них сочились загадки. Боюсь, я не могу сказать, какой из Византиев в колоде самый реальный, поскольку теперь ты должен самостоятельно различить шестой Византий, седьмой Византий, восьмой, девятый и так далее до бесконечности. Чем больше читаешь между строк, тем больше появляется строк, между которыми можно читать. Это главная неожиданность восшествия к отцу – ты оказываешься больше, чем думал.

– Что ж, – говорит Майк, кланяясь из тени, – нельзя отправлять мистический культ, не разбив нескольких яиц.

Кыш. Лети отсюда, собрат-ворон. Покинь пещеру. Инициация окончена.

Перед тобой нечто величественное, гулкое, достойное каждого удара сердца, которое уйдет на его прочтение. Оно было заперто от мира, недоступно на какое-то время, но вот оно снова.

Вперед, читай. Я тебе завидую. А когда все останется позади, когда сущности по необходимости умножатся, когда все страницы будут перевернуты, однако танец возможностей не прекратится, можно будет сказать, что ты видел все. Ты будешь знать меньше, чем раньше, и упиваться этим чувством.

Подобно мне, ты сможешь сказать лишь:
У меня столько вопросов.
Как, черт возьми, ему это удалось?

Скотт Линч, Массачусетс, январь 2020

Империя существовала в предустановленном порядке; вокруг трона в духовной области ясного света вершились небесные деяния, здесь проходили чередой префекты, логофеты, нунции...

Они обитали в Византии...

Однако в сознании Империи жила и другая легенда, помимо легенды о святом Граале.

– Чарльз Уильямс, «Область летних звезд»

⁸ Отец (лат.)

Историческое замечание

Во II веке н. э. Лукиан Самосатский объявил: «Все нынче пишут истории, и я не хочу отставать от других»⁹. И затем этот Лукиан, прозванный Злословцем, сочинил фантастическую книгу под названием «Правдивая история».

«Дракон...» – роман, в котором исторические персонажи и обстоятельства выведены, как это обычно бывает в пьесах. Некоторые события и все диалоги вымышлены, как и явно фантастические элементы. Я старался по возможности избегать технических анахронизмов; впрочем, некоторые технологии не были известны в описываемую эпоху в странах, где происходит действие.

Цитаты, предваряющие каждый раздел, взяты из шекспировского «Ричарда III». Эта пьеса, как и многие другие труды, исторические и не только, послужила источником для атмосферы и деталей книги, однако трактовка персонажей, особенно самого превратно трактуемого из английских королей, разумеется, моя собственная.

Я стремился развлечь читателя, а не затеять серьезную историческую дискуссию. Как написал Ненний двенадцать веков назад (если такой человек существовал и писал именно тогда): «Уступаю дорогу тому, кто в таких делах более сведущ и более опытен, нежели я»¹⁰.

ДжМФ/1982

⁹ Вольный пересказ первых абзацев «Как следует писать историю» Лукиана.

¹⁰ Пер. С. А. Ошерова.

Тени в порядке явления

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕРСОНАЖИ

Для тех, кто не может уследить за множеством аристократических титулов той эпохи или просто любит такие списки, здесь приведен неполный перечень упомянутых в романе реальных исторических фигур. Если имени в списке нет, это не обязательно означает, что лицо не историческое, и, как объясняется выше, с приведенными ниже личностями автор позволил себе некоторые вольности.

АНГЛИЧАНЕ И ШОТЛАНДЦЫ

СЕСИЛИЯ, герцогиня Йоркская и ее дожившие до взрослого возраста сыновья:

РИЧАРД ПЛАНТАГЕНЕТ, герцог Глостер, впоследствии король Ричард III

ДЖОРДЖ ПЛАНТАГЕНЕТ, герцог Кларенс

КОРОЛЬ ЭДУАРД IV

РИЧАРД, герцог Йоркский

АННА НЕВИЛЛ, жена Ричарда Глостера

ЕЛИЗАВЕТА ВУДВИЛЛ, жена Эдуарда IV

ДЖЕЙМС ТИРЕЛЛ, приближенный Ричарда

РИЧАРД РЭТКЛИФ, то же

ФРЭНСИС ЛОВЕЛЛ, то же

АЛЕКСАНДР СТЮАРТ, герцог Олбани, брат короля Якова III Шотландского

АНТОНИ ВУДВИЛЛ, лорд Скейлс, граф Риверс, брат королевы Елизаветы

ЭДУАРД, принц Уэльский, позже король Эдуард V

ДОКТОР ДЖОН МОРТОН

ГЕНРИ СТАФФОРД, герцог Бекингем

УИЛЬЯМ ГАСТИНГС, лорд Гастингс, гофмейстер Эдуарда IV

ЭДУАРД МИДДЛГЕМСКИЙ, сын Ричарда Глостера

ГЕНРИ ТИДИР (то есть «Тюдор» в произношении той эпохи)

ФРАНЦУЗЫ

КОРОЛЬ ЛЮДОВИК XI

ФРАНСУА ВИЙОН, поэт и шалопай

МАРГАРИТА АНЖУЙСКАЯ, вдова Генриха VI Английского

ИТАЛЬЯНЦЫ

ЛУИДЖИ ПУЛЬЧИ, поэт

МАРСИЛИО ФИЧИНО, поэт и философ

ДЖУЛИАНО МЕДИЧИ и его брат

ЛОРЕНЦО МЕДИЧИ, именуемый Великолепным (официальный титул главы банка Медичи)

АЛЕССАНДРА СКАЛА, театральная художница

ДЖИРОЛАМО САВОНАРОЛА

ГАЛЕАЦЦО МАРИЯ СФОРЦА, герцог Миланский
ФЕДЕРИГО ДА МОНТЕФЕЛЬТРО, кондотьер, герцог Урбинский
ДОМЕНИКО МАНЧИНИ, дипломат
ДЖОН АРГЕНТИН, врач

Часть первая

Дети империи

*Враждебна жизни их была звезда. ...
Для всех неотвратим судьбы закон¹¹.*

– Акт IV, сцена 4

Глава 1

Гвинедд

Римская дорога разрезала Северный Уэльс на некотором удалении от побережья, между ветреным Ирландским морем и горами Гвинедда и Поуиса. Она шла мимо рудников, где добывают медь и свинец, до которых так охоча Империя, и пересекала реку Конуи в Каэрхуне, а Клуид – в Асафе, посвященном Эзусу. Римляне проложили ее в холмах, выше берега, но ниже горных отрогов, не пытаясь проникнуть в становой хребет страны. Это не означало, что путей туда нет, только что римляне их не нашли.

Дорога уцелела на отрезке от Карнарвона до Честера, а в Каэрхуне, что в долине Конуи, сохранились развалины стен и рвы на месте форта, где легионеры охраняли переправу. Римские камни, но ни одного римлянина уже тысячу лет.

За Каэрхуном дорога с милю шла вверх к постоялому двору «Белый олень». Здесь Хивел Передир жил на одиннадцатом году своей жизни, в лето девятьсот десятое от Артуровой Победы, тысяча девяносто пятое от основания Константинова града. В тот ранний мартовский вечер Хивел стоял на римской дороге под «Белым оленем» и был римским кесарем.

Поля – его безграничные владения – расстилались внизу, разделенные деревьями, которые с высоты казались пушистыми комочками на зелено-коричневом лоскутном одеяле. Воды Конуи змеились широкой, нашитой на ткань лентой. Мартовский воздух пах торфом, сыростью и больше ничем, кроме собственной холодной чистоты на острой кромке весны.

Место, где стоял Хивел, звалось *Пен-и-Гаэр*, Голова Крепости. Крепость существовала еще до того, как пришли легионы, однако от ее строителей тоже остались лишь камни: отрезки стены и вала. И острые глыбы, врытые рядами на подступах к холму.

Хивел стоял на дороге и повелевал камнями. Бойцы бессмертные и бесстрашные, подобно легендарным воинам, выросшим из зубов дракона, они остановят и рассеют любой натиск. Тогда, по знаку Хивела, его конница на всем скаку вылетит из Каэрхуна и обрушится на бегущего врага, щадя лишь знатных ради выкупа и триумфа. Его военачальники в золоте и пурпуре, на белых конях, пригонят к нему родовитых пленников, крича: «Передир! Передир!», дабы все знали, кто здесь победитель...

Чуть выше по дороге торчала каменная вежа. Надпись на ней наполовину стерлась, и Хивел не знал латыни, но мог прочесть имя CONSTANTI. Константин. Император. Основатель Прекрасного града. А теперь и бог, как Юлий Цезарь, как Артур, король Британии. Проходя мимо вехи, Хивел обычно проводил пальцами по резным буквам, трогал божий образ.

Три года назад, в майские календы, он камешком из пращи оглушил воробья и, связав тому крылья, отнес его к веже. Всю дорогу воробей трепыхался под рубашкой, а когда Хивел

¹¹ Здесь и далее цитаты из «Ричарда III» приведены в переводе А. Радловой.

положил его на землю, вдруг застыл, словно чего-то ждал. Ножа у Хивела не было, а убивать птицу голыми руками он побоялся. К тому времени, как ему удалось разыскать два плоских камня и выполнить задуманное, он забыл, о чем хотел помолиться.

Сейчас облака проплывали перед низким солнцем, по земле бежали их тени. Река то темнела, то вспыхивала серебром. Стоячие камни будто двигались, приветственно ударяя копьями в щиты. Забыв про воробьев, Хивел направлял свои когорты как воин, царь и бог.

Пока не за клубилась пыль и в его грезе, блестя сталью, не вступили люди – настоящие воины на дороге к постоялому двору. Хивел смотрел и слушал, зная, что если не шевелиться, его могут не заметить. Он различил скрежет алебард по каменным плитам, поступь обутой ног, звон волочащихся цепей. Ветер донес до него голоса, не отдельные слова, только ритм: английские голоса, не валлийские. Когда воины преодолели последний поворот, Хивел различил их эмблемы. Тогда он повернулся и побежал к воротам «Белого оленя». Во дворе пес поднял голову, напрасно ожидая, что его погладят; с застрех вспорхнули воробьи.

В трапезной под гнутыми стропилами было темно, в воздухе висел торфяной дымок. Дафидд, хозяин постоялого двора, возился у огня, а Глинис, красивая служанка, вытирала кружки. Оба подняли голову, Глинис с улыбкой, Дафидд – без.

– Ну, милорд северянин, давай-ка сюда! Покуда ты совещался со своими приближенными, огонь почти...

– Там на дороге воины, – сказал Хивел по-валлийски. – Люди наместника Ирландии, из Карнарвона.

Он знал, что Дафидд лишь притворяется рассерженным; когда тот злился по-настоящему, то говорил пугающе тихо и немногословно.

– Отлично, – сказал Дафидд. – Они захотят эля. Пойди нацеди котелок.

Хивел ухмыльнулся и спросил:

– А масла принести?

Хозяин тоже улыбнулся:

– Настолько прогорклого у нас нет. А теперь беги за элем; воины не любят ждать.

– *Ie*¹².

– И говори по-английски, когда воины могут тебя услышать.

– *Ie*.

– И задай себе порку, а то мне некогда!

На лестнице в погреб Хивел остановился.

– С ними пленник. Колдун.

Дафидд положил кочергу и вытер ладони о фартук.

– Что ж, – тихо сказал он, – для кого-то это плохая новость.

Хивел ничего не понял, но кивнул и полез вниз. Он нацедил эля в закопченный железный котелок, привязал котелок на веревку и поднял; и лишь потом, стоя в тишине погреба, сообразил, что сказал мгновения назад. Да, он и впрямь слышал звон цепей, но ни разу не видел, кто ими скован.

Во дворе стояли восемь человек и еще нечто.

Воины были в кожаных куртках, с мечами и алебардами; у двоих за спинами торчали луки. У одного, важного и в шлеме, была на боку кожаная сумка, а через плечо перевязь с деревянными бутылочками на шнурках. Хивел знал, что это пороховницы для пистоля в сумке.

Нашивки у воинов на рукавах изображали оскаленного гончего пса, стоящего на задних лапах – талботхаунда, эмблему сэра Джона Талбота, нового королевского наместника Ирландии. Талбот по велению Генриха V подавил котантенский мятеж; говорили, что теперь жен-

¹² Да (валлийск.).

щины в Анжу пугают детей *Жаном Тальбо*. Генрих V умер, да здравствует Генрих VI, и советники трехлетнего короля надеялись, что Гончий Пес войны точно так же усмирят ирландцев.

Четверо воинов держали за цепи нечто, припавшее к земле, черное и бесформенное. Хивел думал, это пес, тот самый талботхаунд, или какой-то диковинный ирландский зверь, но тут существо выставило бледную лапу, расправило длинные пальцы, и стало ясно: это человек на четвереньках, в изодранной одежде и черном плаще.

От худых рук на земле осталась кровь. На запястьях и щиколотках у человека были кандалы с каким-то изображением, от них тянулись цепи. Голова повернулась, черный капюшон упал, и Хивел увидел железный ошейник – тоже с гравировкой, всклокоченную бороду и ноздрю с запекшейся вокруг кровью.

Он смотрел в черный глаз, остекленевший то ли от безумия, то ли от лихорадки. Глаз не мигал. Потресканные губы шевельнулись.

– Не смей! – заорал воин и дернул за цепь, так что скованный упал плашмя.

Другой воин с размаху ткнул его древком алебарды; раздался тихий стон.

Первый воин нагнулся и тряхнул цепь.

– Закон позволяет нам отрезать тебе язык, если начнешь бормотать свои заклинания!

Хивелу подумалось, что воин говорит в точности как Дафиддова жена Нэнси, когда та укоряет курицу, не желающую нестись. Лежащий не шевелился.

– Эль! Где эль? – закричали другие воины, отворачиваясь от пленника.

За спиной у Хивела появился Дафидд с подносом кружек, увенчанных бурой пеной. От горячего эля поднимался пар.

– Вот, Хивел. И Огмий дай нам нужные слова.

Хивел понес эль во двор. Раздались громкие возгласы. Хивел понял, что приветствуют его, и на мгновение вновь стал цезарем. В следующий миг воины расхватили кружки.

– Давай сюда, малый.

– Клянусь Юпитером, добрый эль!

– Разрази тебя Юпитер, это не английское пиво. – Говорящий наморщил нос. – Но все равно недурно.

Хивел почти не слушал. Он вновь смотрел на скованного. Тот не шевелился, только хрипло дышал. Ветер отогнул полу плаща, обнажив рукав рубахи. Ткань была расшита сложным узором – не кельтским, но схожим, переплетенным.

И «Белый олень» был бойким постоянным двором; Хивел дважды видел шелк, на женах лордов.

– Позаботься о нашем псе, малый, – сказал тот воин, который морщил нос. Тон у него был дружелюбный. – Он восточный колдун, византиец. Из самого Города, говорят.

Из Константинова града.

– Чем... чем он провинился?

– Колдовством, чем же еще. Колдовал для ирландских бунтовщиков против короля Гарри, мир его праху. Пять лет прятался в ирландских холмах, ворожил и наводил порчу. Но мы его поймали. Лорд Джек его поймал, так что теперь он пес Талбота.

– Том, – одернул десятский, и воин на миг замер. Потом вновь подмигнул Хивелу и бросил ему пустую кружку.

– Вот смотри, малый, – сказал Том. Он нагнулся, схватил железное кольцо на руке пленника и потянул, словно того и нет. – Видишь, на железе змея вырезана? Это друидская змея, она связывает колдунов. Старый ирландский Патрик изгнал с острова всех змей ради своей колдовской братии. Но мы привезли змей с собой. Кожаных и железных.

Том отпустил кольцо, и рука пленника упала с глухим звоном, но сам пленник не издал ни звука. Хивел смотрел как зачарованный.

– Хозяин! – позвал десятский.

Дафидд подошел, вытирая руки о фартук.

– Да, центурион?

Десятский не стал его поправлять.

– У вас тут есть кузнец? Мятажник не особо опасен, но уползет, только дай волю. Надо его к чему-нибудь приковать.

– Так вы тут надолго?

– Мы не спешим. Пленника нужно отвезти в Йорк на казнь.

– Ирландское море глубокое, – заметил один из воинов.

– Не такое глубокое, чтобы поглотить его проклятие, – отрезал десятский. – Пусть его свой брат-колдун убьет. – Он повернулся к Дафидду: – Насчет ребят не бойся, они хорошие и слушаются меня. – Последнее слово он произнес с легким нажимом. – И до смерти устали приглядывать за этим бунтовщиком.

– Хивел, – сказал хозяин, – беги к Шону Мауру, пусть идет сюда с молотом и клещами.

Молодой звонкоголосый воин крикнул вдогонку Хивелу:

– И скажи, тут ему не лошадь ковать! А цепи!

Хивел припустил бегом, боясь обернуться. За голосами воинов и Дафидда, за собственным дыханием он различал настойчивый шепот, словно биение крови в ушах, когда все тихо. Он слышал его без остановки с тех самых пор, как губы колдуна беззвучно шевельнулись.

«Ты, способный меня услышать, иди за мной. Иди на мой голос».

И покуда Хивел бежал в сгущающихся сумерках, ему чудилось, будто за ним тянутся руки, хватают за плечи, за горло, селятся утащить назад.

Нэнси тронула за ошейник пса, вращавшего вертел, колесо остановилось, и Нэнси отрезала кусок от жарящегося бараньего окорока. Пес снова заходил в колесе. Нэнси положила мясо на деревянную тарелку, добавила вареного зерна и кусок мягкого черного хлеба.

– За мясо для него воины не заплатили, – заметил кухонный мальчишка Дай.

– Мне можешь не рассказывать, за что они не заплатили, – ответила Нэнси, накрывая тарелку салфеткой. – Надеюсь, зубы у него есть, а то нож я приложить не смею. Вот, Дай, беги, пока не остыло.

– Зачем они его бьют, если он колдовать не может?

– Вот уж не знаю, Дай, – грустно ответила Нэнси. – Ну, беги.

– Я отнесу ему еду, – сказал Хивел из дверей.

Дай открыл рот, потом закрыл. Нэнси отвернулась.

– Я ему воды набрал, – добавил Хивел. – И я его не боюсь. А ты ведь боишься, Дай?

Дай стиснул пухлые кулаки. Он был на год старше Хивела и тоже сирота. Бездетные Дафидд и Нэнси взяли их вместе и пытались воспитать как братьев. Хивел уже не мог вспомнить, каково это, иметь братьев, даже когда старался.

– *Je*, боюсь немного. Корми его ты, – сказал Дай и протянул Хивелу тарелку. Тот кивнул. Хивел не то чтобы ненавидел Дая, скорее любил. Но они не братья.

За порогом кухни он взял фонарь и котелок с элем, которые оставил у двери, и пошел в сарай. Внутрь проникал косой сноп лунного света. Колдун сидел, прислонившись к столбу, белый и черный в лунном сиянии. Голова была чуть повернута. Хивел замер. Ему предстало лицо черепа, в глазницах что-то тускло поблескивало.

Хивел повесил фонарь на крюк и открыл ставни; колдун поморщился и отвернулся.

Это все, что он мог – повернуть шею. Цепь, отходящая от ошейника, дважды обвивала туловище и столб, цепи от ножных кандалов закрепили на колесах старой телеги. Хивел встретил Шона Маура, когда тот возвращался домой, и теперь понимал, отчего кузнец глянул на него с такой злобой.

– Так это все-таки был ты, – проговорил скованный, и Хивел чуть не выронил тарелку. – Еда мне?

Хивел сделал шаг. Голос в голове давно умолк, но его все равно будто тянуло к колдуну. Он остановился.

– Воины сказали, ты не можешь колдовать, когда в цепях.

– Но ты знаешь, что это не так. – Чужеземный выговор в речи колдуна был едва различим. – Что ж, в основном они правы. Я мало что могу, и сбежать так не могу точно. Подойди, мальчик.

Колдун шевельнул руками. Хивел отвел глаза, чтобы не видеть знака.

– Хотя бы поставь мой ужин так, чтобы мне дотянуться. Потом можешь уйти. Прошу тебя.

Хивел подошел ближе и снова глянул на колдуна. Тот сидел на расправленных полах плаща, так что видна была лоснящаяся подкладка – тоже шелковая. Под плащом темнело зеленое платье тяжелого дамаста, из разорванных швов выглядывала белая шелковая рубаха. И верхнее платье, и рубаха были сплошь расшиты золотом, серебром и яркими нитями – Хивел против воли засмотрелся на узор из переплетенных линий.

Он поставил тарелку на солому и убрал салфетку. Глаза колдуна расширились, он провел языком по очень белым зубам в пятнышках грязи и одной рукой потянулся к тарелке. Цепь ручных кандалов соединялась у него за спиной. Колдун поставил тарелку на колени, и его тонкие пальцы напряженно зависли над ней, будто когти; цепь не позволяла соединить руки.

Хивел подумал было сказать, что может его покормить, но промолчал.

Колдун уже не пытался соединить руки. Он взял салфетку, встряхнул и, как мог, приладил поверх грязной шелковой рубахи. Затем тонкими пальцами взял одно зернышко, положил в опухший рот и очень медленно принялся жевать.

Стараясь не смотреть на лицо и руки колдуна, Хивел снял с котелка крышку, достал из поясной сумки комок жирной бумаги, развернул и бросил в теплый эль кусок сливочного масла. Помешал в котелке чистой соломинкой и придвинул его так близко к колдуну, как только посмел. Колдун дождался, когда Хивел отступит, затем взял эль и отпил глоточек. Его глаза закрылись, и он припал головой к столбу, чтобы хоть немного ослабить давление ошейника.

– Нектар и амброзия. Спасибо, мальчик.

Колдун поставил эль, взял баранину и начал понемногу отщипывать от нее зубами.

Наконец Хивел сказал:

– Ты позвал меня колдовством. Никто больше не слышал. Зачем ты это сделал?

Колдун замер, вздохнул, вытер руки и губы.

– Я думал, ты... кое-кто другой. Кто мог бы мне помочь.

– Ты думал, я колдун?

– Я обращался к дару... но силы кончились раньше, чем я услышал ответ. Трудно работать, когда тебя бьют сапогом в ребра. – Он потянулся к хлебу, откусил чуточку.

– Я не колдун, – сказал Хивел.

– Да. Извини. Но я рад, что ты принес мне ужин.

Некоторое время они сидели молча; колдун ел, Хивел, пригнувшись, за ним наблюдал. Ему подумалось, что колдун хочет растянуть ужин на всю ночь, и он сказал:

– Ты думал, я колдун.

– Я вроде бы объяснил, – терпеливо ответил тот. – Тебе разве спать не пора?

– Дафидду все равно, лишь бы огонь не погас. Ты говорил, что звал кого-то другого. Но я услышал. Ты звал меня.

Колдун проглотил, облизал разбитые губы.

– Я звал дарование. Силу. Она... расходится, как свет от свечи. Я ощутил ее и отозвался. Вот и все.

– Так значит, я все-таки колдун, – торжествующе выговорил Хивел.

Его собеседник помотал головой, звякнув цепью.

– *Magus latens*¹³... нет. Можешь им стать, если тебя научат. А сейчас... – В горле его забулькал звук, похожий на смех. – А сейчас ты пробужден. И сделал это я напрасно.

Хивел спросил:

– Ты можешь меня научить?

Снова сдавленный смех.

– Отчего, по-твоему, я в цепях? Меня бы уже убили, если бы не боялись моего смертного проклятия. Я не знаю, буду ли жив завтра. Иди спи, мальчик.

Хивел упер ногу в тележное колесо, к которому тянулась цепь от ноги колдуна, и надавил. Цепь сдвинулась. Через мгновение она бы натянулась. Это оказалось на удивление легко.

– Прошу тебя, не надо, – сказал колдун.

В голосе не было ни мольбы, ни приказа. Хивел обернулся, увидел темные глаза с налитыми кровью белками, лицо, белое как голая кость. И перестал толкать. Возможно, умеи воробы говорить...

– Я очень устал, – проговорил колдун. – Пожалуйста, приходи завтра, и я с тобой побеседую.

– Ты расскажешь мне про колдовство? – Хивел по-прежнему упирался ногой в колесо, но оно вдруг стало очень тяжелым и неподатливым.

Голос колдуна был слаб, но темные глаза горели.

– Приходи завтра, и я расскажу тебе все, что знаю про колдовство.

Хивел взял тарелку, салфетку и котелок из-под эля. Встал и попятился к выходу.

– Меня зовут Каллиан Птолемей, – сказал колдун. – Через букву «пи», если ты умеешь писать.

Хивел ничего не ответил. Все знают, что колдуны получают силу через знание имен. Он снял фонарь с крюка и закрыл створку.

Каллиан Птолемей сказал:

– Доброй ночи, Хивел Передир.

Хивел не знал, задрожать или заплакать от радости.

В ту ночь Хивелу не спалось. «Все, что знаю», – сказал Птолемей. Возможно, он слабый колдун. Кучка солдат поймала его и заковала в цепи.

Оуэн Глендур был великий колдун, Хивел это знал, как и все в Уэльсе. Глендур и несколько английских лордов чуть не отняли корону у короля Генриха IV. И он отнял Уэльс у Генриха V, хотя тот был монмутширец; Глендур много лет сидел королем в Харлехе, во главе своего двора и войска.

Англичане в конце концов рассеяли войско Оуэна, но так и не захватили в плен его самого, и никто не видел Оуэна мертвым. Поговаривали, что он не умер, а спит, как Артур, и вернется, когда придет время.

Хивел помнил сына Оуэна, Мередида. Тот останавливался в «Белом олене»: высокий, широкоплечий, куда больше похожий на воина, чем на великого чародея. Однако Мередида все-таки был колдуном. Он вынул из воздуха круглый стеклянный камешек и вложил Хивелу в ладонь, и говорил с ним так, будто Хивел – из великих вождей Уэльса.

И Дафидд кипел тихой злостью, после того как Мередида ап Оуэн уехал.

¹³ Скрытый колдун (лат.).

Хивел оделся до зари. Воздух был холоден и неподвижен, небо – как черное стекло; Хивел пробирался больше на ощупь и по памяти. Он разворошил очаг в трапезной, подложил торфа. Красный огонек в глубине казался исполненным тайной силы. «Все, что я знаю». Хивел гадал, умеет ли Птолемей превращать свинец в золото. Умеет ли летать.

В сарай он заглянул с первым светом. Колдун не спал, лицо его было напряжено.

– Ты рано пришел на урок, – сурово выговорил он.

– Нет... я... э...

– Я сейчас обделаюсь. Возможно, если бы ты мне помог...

Хивел принес ведро и немного ослабил цепи на ножных кандалах, так что с его помощью Птолемей смог продвинуться вдоль столба и встать на корточки.

– Что за шум? – В сарай заглянул воин, говоривший с Хивелом раньше, Том.

Он увидел Птолемея со спущенными шоссами и задранным сзади платьем, напрягшегося под весом железа, и Хивела сзади, держащего его под мышки.

– Ах вы гнусные...

Тут до Тома дошло, и он расхохотался. Хивел подставил ведро, и колдун воспользовался им, шумно. Солдат потянул носом воздух, будто нюхая цветы, повернулся и вышел, давась от смеха.

Хивел молча помог Птолемею поправить одежду. Сев обратно, колдун проговорил:

– Извини.

Хивел мотнул головой и взял ведро.

Птолемей сказал:

– У меня нет другой одежды. Я...

– Следующий раз говори мне, – сказал Хивел и пошел к навозной куче.

Над холмами сияло солнце, небо было голубое-преголубое. Хивелу предстоял самый долгий в его жизни день.

– И тогда я подумал, я знаю, что он грек, но...

Воины заготовали, стуча кружками по столу, расплескивая пиво. Анни, уродливая служанка, налила им по новой; когда она проходила, ее щипали и лапали. Красавицу Глинис Дафидд отослал в Каэрхун «на время».

– А что мальчишка, Том? Он получал удовольствие?

– Как английская жена, – ответил Том, – без удовольствия, но старательно.

Хивел, вспыхнув, отвернулся – хотя никто на него не смотрел – и полез в погреб. Сверху кто-то из воинов сказал:

– Немудрено, что валлийские мятежники воют так подло...

Внизу Дафидд чистил рыбину, обложенную льдом и опилками. При виде Хивела он поднял голову, но сразу вернулся к работе.

– Я ничего не сделал, – сказал Хивел по-валлийски. Глаза щипало, голос срывался.

– Я знаю, что ты сделал, – ответил Дафидд на английском.

Хивел ждал, перебарывая слезы; Дафидд молчал.

Наконец Хивел сказал:

– Он искал здесь колдуна. Может, ждал, что Глендур ему поможет.

Дафидд перестал разделывать рыбину. Поднял нож, взглянул на блеснувшее лезвие.

– Он так сказал?

– Он... – Злость Хивела обратилась в страх из-за внезапной мягкости Дафидда. – Он сказал, что искал колдуна.

– Что ж, хорошо. Пусть друзья его разыщут. И я молю богов, чтобы это произошло не здесь.

Дафидд несколькими движениями рассек рыбину, сложил куски в кухонный подъемник и затопал по лестнице, яростно вытирая руки о фартук.

Хивел заплакал.

Солнце ушло за холмы. Хивел шел к кухне, чтобы взять ужин для Птолемея, когда кто-то тронул его за плечо.

– Не пугайся, мальчик. – Это был воин Том. Он снял с плеча лук и показал Хивелу. – Когда-нибудь натягивал такой?

Хивел неопределенно мотнул головой.

– Этому учиться надо, – сказал Том. – Мы говорим, хочешь воспитать лучника, начинай с его деда. Мы идем поупражняться в стрельбе, пока светло... Хочешь с нами? Тисовая Алиса для тебя слишком длинная, но...

– Нет, – сказал Хивел. – Я... не могу.

Лук был белый и прекрасный. Хивел, разумеется, и раньше видел луки, но ему никогда не предлагали пострелять.

– Зря я над тобой посмеялся. Десятский так сказал. Я... я не хотел тебя обидеть.

Хивел внезапно понял, что Том лишь года на четыре его старше.

«Все, что я знаю о колдовстве».

– Завтра? – жалобно спросил Хивел.

– Завтра меня тут не будет. Десятский сказал.

Значит, и колдуна не будет, так что выбора нет. Хивел хотел ненавидеть воина за его насмешки, но не мог, как не мог ненавидеть Дая? или Дафидда больше чем через два часа после порки, или...

– У меня работа, – сказал Хивел и ушел, оставив Тома с его красавицей Алисой. Когда он вернулся из кухни, их во дворе уже не было.

Сегодня Птолемей ел не так медленно, как накануне. Закончив, он вытер рот, помочился в ведро, жестом велел Хивелу сесть напротив и поправил изодранную одежду.

– В Ирландии любят такую роскошь, – сказал он. – Когда я узнал, что меня все-таки схватят, я нарядился в лучшее. Но на них это впечатления не произвело. Неужели английские лорды так богаты?

– Они носят шелка, – ответил Хивел.

– Да, знаю. Наши шелка. Весь шелк везут через Византий, ты знал?

Хивел мотнул головой.

– Ты считаешь, моя одежда роскошна... была, я хотел сказать?

– Да, очень.

– Обычное дело на улицах Города.

– Константинова града? Византия?

– Других городов в мире нет.

– Там много колдунов?

– Там есть все. Колдуны, купцы, жрецы... короли приезжают в Город и говорят, что лучше быть нищими в Византии, чем королями в их странах...

Птолемей рассказывал о Прекрасном граде, а Хивел слушал, сперва из вежливости, потом все с большим увлечением. Птолемей говорил о милях тройных стен, охраняемых воинами в доспехах кованого золота. Семижды семь ворот ведут в Город, но ни разу в него не вошла вражеская армия. Целые войска гладиаторов сражаются в цирке, выстроенном по образцу римского, только куда больше.

Широкие улицы Византия сходятся на форумах с колоннами из порфира, золота и слоновой кости, проходят под арками, прославляющими величие Города и мудрость его строителей, выются мимо базаров, где любые плоды земли и творения человеческих рук продаются

за звонкую монету, признаваемую британцами и китайцами, славянами и африканцами, немцами, и португальцами, и данами... и за которые все купцы мира везут товары к воротам и семи обнесённым стенами портам.

Вода в Город течёт по каменным акведукам, нечистоты утекают из него по рукотворным туннелям. В Византии больше дворцов, чем в других городах храмов, больше храмов, чем в других городах дворцов. А в центре столицы высится величайшая из её красот – Пантеон Киклос София, Круг Мудрости.

– Под его куполом поместился бы любой британский храм; он достигает до неба, до звезд. И внутри него тоже звезды – тысячи золотых лампад, каждая горит во славу отдельного божества. Войти туда уже значит совершить поклонение богам.

– Кто твой бог? – почти шепотом спросил Хивел.

– Тот же, кого чтили строители Киклоса Софии. Совершенство изгиба. Сочленение камней. Время, энергия и точность – они суть истинные боги, хотя, признаю, для божбы другие сподручнее.

Мысли Хивела внезапно вернулись к тому, для чего он пришел.

– Научи меня колдовству.

Птолемей вздохнул.

– Меня везут в Эборак... ваш Йорк, где есть пантеон, чтобы там убить. Быть может, в Йорке я буду перед смертью вспоминать Город.

– Ты обещал научить меня.

– Я обещал рассказать все, что знаю.

Хивел кивнул.

– Колдовство разрушает, – сказал Птолемей. – Каждое заклятие, каждое колдовское действие еще чуточку разрушает творящего. Если у тебя сильная воля, разрушение идет немного медленнее... но, так или иначе, им все заканчивается.

Птолемей умолк. Хивел ждал, внезапно испугавшись, что Птолемей произнесет слова, которые тот наконец и впрямь произнес:

– Вот все, что я знаю.

Хивел задрожал. На сей раз ненавидеть было легко. Он поглядел на цепи. Птолемей плотно закрыл глаза, лицо его побелело.

Хивел ощутил рокошущую дрожь, не телесную, но ментальную. Он смотрел на цепи, опутавшие грудь Птолемея. Глазам стало жарко. Он повел руками, сжал пальцы.

Цепи зазвенели и натянулись, сдавливая колдуну грудь. На рубашке и платье, словно трещины, пролегли складки.

Хивел уставился на колдуна. Пальцы напряглись еще сильнее. И цепи Птолемея, которых он не касался, затянулись еще туже.

Птолемей повернул голову:

– Если ты меня убьешь...

Ему не хватило воздуха договорить.

Хивел расслабил пальцы. Цепи обвисли. Птолемей судорожно задышал.

У Хивела заболела голова. Руки и ноги ослабели, сердце колотилось, как от быстрого бега. Он попытался встать, однако ноги не слушали. Он понял, что сейчас Птолемей его убьет, и все равно попытался уползти на локтях и коленях, которые стали мягкими, будто воск.

«Я не причиню тебе вреда, ученик, – раздался голос у него в голове. – Силы к тебе вернутся. Это твой первый урок».

Хивел вновь повернулся к Птолемею. Тот сидел, склонив голову набок, и смотрел очень черными и глубокими глазами.

– Время и энергия, – тихо проговорил Птолемей. – Одной энергии мало. Дух соотносится с материей как... я забыл число, какая-то поразительная пропорция. Руками каменную стену

не сдвинешь... но если подождать, найти замковый камень, твои усилия дадут желаемый итог. Так и с колдовством. И камни, падая, что-нибудь раздавят. Так и колдовство... Ну что, Хивел, можешь идти?

Хивел попробовал и убедился, что может.

– Тогда доброй ночи... ученик.

Хивел, шатаясь, вышел из сарая, забыв взять тарелку и фонарь. Один раз он оглянулся на Птолемея; колдун улыбался, скаля белые зубы, и во взгляде не было и тени любви.

На кухне Хивел застал Дафидда и Нэнси. Тускло горела сальная свеча. Дафидд пил из стеклянного кубка; Хивел различил запах крепкого бренди.

Нэнси сказала:

– Тебе давно пора спать.

– Я... – Хивел плохо стоял на ногах, словно выпил слишком много пива. – Я колдовал.

– Византиец? – спросил Дафидд и крепче сжал кубок, словно собираясь швырнуть его на пол.

– Я. Я... колдун.

Дафидд напрягся еще сильнее. Нэнси тронула его запястье, и он расслабился... нет, обмяк, как будто умирает прямо сейчас, на этом стуле.

– Твой дядя, – слабым голосом проговорил он.

– Мой дядя был колдуном?

Дафидд никогда не говорил о родных Хивела, кроме того, что все они погибли в бою.

Нэнси сказала:

– Твоя бабушка была сестрой Оуэна Глендура.

Просто сказала. Будто в этом нет ничего особенного.

– Послушай, Хивел... сынок, – хрипло, устало проговорил Дафидд. – Глендур заключил союз с византийцами. Они присылали колдунов, воинов. Обещали Оуэну, что помогут освободить Уэльс. Он доверял им... а доверие Оуэна заслужить было нелегко, я знаю.

Он отпил еще бренди.

– Не знаю, правда ли они собирались помочь... или собирались, а потом передумали... или просто честно проиграли, но суть в том, что они поддерживали Оуэна. И Оуэна нет. А Империя есть. Задуши меня Огмий, если я с открытым сердцем привечу английских воинов. Суцелл разможи мне голову, если я склонюсь перед английским королем, но если они хотят отрубить голову этому колдуну, то могут взять мой топор и пусть Эзус благословит удар.

На сей раз Хивелу заплакать не грозило, даже при всей его усталости. Он понял наконец, кому может доверять.

Никому. Ни единой живой душе.

Не проронив больше ни слова, он пошел к своей лежанке, сел, стянул башмаки и провалился в сон.

Змеи обвивали Хивела, сжимали его руки и ноги, силились свалить его и задушить.

В руке у него был меч – белый меч сиял в обступившей тьме. Змеи отворачивали клыкастые головы от света за миг до того, как Хивел их отрубал.

Замах, удар, и левая нога свободна; удар, и свободна правая. Быстрые удары, словно рубишь почки для пирога, и куски змеи, извиваясь, упали с его левой руки. Однако они по-прежнему обвивали правую, пережимая кровь, царапая чешуей кожу.

Свет вспыхнул на рукояти у Хивела за поясом. Он левой рукой выхватил кинжал. Правую тянула к земле переплетенная зеленая масса. Он приставил лезвие и содрал змею, как сдирают шкурку с убитого кролика, даже не задев голую руку.

Шею тянуло назад. Самая большая змея, черно-зеленое чудище в ярд длиной, обвивала Хивелу горло. Показалась узкая головка, заглянула черными глазами в глаза Хивелу, обнажив

клыки, точно кривые кинжалы. На каждом клыке висела капелька яда, кипящего и алого, будто кровь.

Хивел обрушил меч и кинжал разом, поймав змеиную голову в скрещение клинков. Горло стиснуло сильнее. Глаза лезли у Хивела из орбит, воздуха не хватало. Он опустил оба клинка. Дымящаяся кровь бежала по его рукам, обжигая кожу. Полуотрубленная змеинная голова повернулась и выбросила раздвоенный язык – лизнуть Хивелу губы.

Хрустнула кость, голова отлетела. Чешуйчатое тело билось в судорогах, стискивая Хивелу шею, и он думал, они умрут вместе. Тут он бросил клинки, потянул за внезапно обмякшие кольца и обрел свободу...

Хивел проснулся в холодном поту. Руки лежали как плети, он мог ими двинуть, но слабо, медленно. Он потрогал пах: нет, не это. Как будто он плыл, лежал на воде, пока мышцы не разучились работать...

Те же ощущения, что после колдовства.

Он попытался встать, но не смог, и ему стало страшно; чем больше усилий он прилагал, тем хуже у него получалось двинуться и тем сильнее он пугался. Ему случалось видеть загнанных лошадей: все в пене, они бились и дрожали на земле, прекрасные животные, превращенные бездумным ездоком в умирающее нечто с жутким взглядом.

Кое-как Хивел натянул башмаки, встал. Все вокруг плыло, вращалось и завывало в ушах.

Через мгновение он понял, что часть света и шума ему не мерещится: факелы и крики воинов во дворе.

Появился Дафидд в шоссх и рубахе, со светильником, заправленным рыбьим жиром. Пламя дрожало и распространяло вонь.

– Ты здесь, – проговорил Дафидд. – Что ж, и то хлеб.

– А что...

– Колдун сбежал. Вырвался не пойми как. – Дафидд оглядел Хивела с ног до головы и спросил очень тихо: – Это ты его освободил?

– Нет, – ответил Хивел и, еще не договорив, понял, что солгал.

Дафидд кивнул:

– Само собой. Извини, сынок. Я...

«Испугался», – мысленно закончил Хивел.

– Твой дядя Оуэн был... – Дафидд вновь не договорил. Он вытер свободную руку о край рубахи и вышел.

Хивел дождался, когда затихнут его шаги, и принялся набивать сумку вещами из сундука. Потом надел лучший плащ и тихо-тихо вышел во двор.

Десятский кричал, пытаясь выстроить своих людей и решить, как прочесывать местность. Мелькали фонари, желтовато поблескивала сталь. Воины притоptyвали, выдыхая морозный пар. Хивел плотнее закутался в плащ и выскользнул незаметно.

Он не знал, как искать Птолемея. Идет тот в горы, или вниз по реке, или по дороге, прячась в стороне от прохожих?

Хивел остановился и замер.

«По долине, – подумал он, – к Аберкконуи и дальше к морю. Корабль, любой корабль из этой гнусной страны...»

Хивел заморгал; это были не его мысли, хоть и звучали у него в голове.

– Как свет от свечи, – беззвучно проговорил он и подавил смешок.

Эту часть Диффрин-Конуи он знал лучше любого английского воина. И он отыщет Птолемея. Пойдет, куда зовет дар.

Очень скоро Хивел замерз. Одежда заледенела, и даже слабый ветерок пробирал до костей. Знакомый край ночью сделался чужим, лунные тени скрывали неведомые бездны. Ни огня, ни фонаря у него не было. Только свет Птолемеевой свечи.

Если стоять совсем неподвижно и думать очень сосредоточенно, он вроде бы различал свет, медленно пляшущий над кустами и камнями впереди. «Эльфийский огонек», – подумал Хивел и очень явственно представил, как идет за блуждающим огоньком, а когда возвращается, то видит, что прошли долгие годы: все, кого он знал, давно умерли. Однако он вернется колдуном.

Ему было жаль, что он больше не увидит Нэнси и Дафидда, Дая, и Глинис, и Анни. Он положил руку на раздувшуюся сумку и пожалел, что не взял с собой и другие вещи: оловянную тарелку, на которой Шон Маур выбил имя «Хивел», шерстяной свитер и шарф, которые смастерила ему Анни, когда Нэнси учила ее вязать, – кривые, но теплые. Сейчас бы они очень емугодились. И с дворовым псом было бы веселее идти, пусть даже тот старый и ни на что не годный.

Однако вещами нужно жертвовать. Это как приношения на алтарь, когда просишь Огмий помочь тебе с обучением грамоте или Эзуса – благословить дерево, которое рубишь. Обратного не получишь. Если обманешь богов, они возненавидят тебя и проклянут навеки.

И во всех историях колдунам и героям требовалось... требовалось...

Искушение. Вот оно, это слово. Хивел возблагодарил за него Огмий. Затем остановился и достал из сумки стеклянный камешек Мередида ап Оуэна. Пальцем выкопал ямку, положил туда шарик, присыпал землей. Хивел не сомневался, что жертва правильная, памятуя грека, который говорил с камешками во рту.

Свет, голос – то, за чем он шел, – усиливался, как будто Каллиан Птолемей остановился. Возможно, колдун упал, повредил ногу. Хивел не знал, что делать в таком случае, разве что Птолемеёво колдовство способно исцелять. Наверняка способно – такое даже деревенские бабки умеют! А вдруг – Хивел почти не смел об этом думать – вдруг Птолемей задержался, чтобы Хивел его нагнал.

– Да, – отчетливо произнес голос Птолемея чуть впереди. – Я жду. Поспеш, Хивел ап Оуэн.

Вздвигнув от голоса и от имени, которым Птолемей его назвал, Хивел выбрался в ложбинку на склоне холма. Здесь, озаренный лунным светом, сидел Птолемей.

– Ты принес мне поздний ужин, мальчик? – Он говорил по-валлийски, первый раз.

Хивел подошел ближе и встал на колени.

– Прошу вас, сэр... я пришел, чтобы идти с вами. В Константинов град, если вы туда. Быть вашим учеником.

– Чепуха, – отрезал Птолемей.

– Милорд, сэр. – Хивел пытался говорить разом дерзко и почтительно. – Вы сказали, я могу быть колдуном. Я желаю им стать.

– Зачем? Потому что тебе нравится такая жизнь? Увлекательные приключения? Цепи, грязная солома, и чтобы воины плевали тебе в лицо? – Птолемей посмотрел в землю и покачал головой. – В Ирландии не чтут Тота; может быть, он туда не заглядывает. Он покинул меня, тут сомнений нет. – Колдун поглядел на Хивела; его лицо было наполовину освещено луной. – Я отправился туда ради целей Империи. Но я ел их еду, пил их виски, жил в их домах и спал с их женщинами... и однажды понял, что сражаюсь в их войне. Со временем я полюбил этих... варваров... настолько, что перестал творить колдовство, которое может обернуться им во вред... то есть, по сути, любое колдовство... И вскоре английские воины заковали меня в железо. Ты не понимаешь ни слова из того, что я говорю, мальчик?

Хивел на коленях подполз ближе.

– Я освободил вас, милорд Птолемей.

– Эту фразу я слишком часто слышал в Ирландии, – сказал Птолемей. – Если когда-нибудь доберешься до Византии, никогда не произноси этих слов, коли ценишь то, что зовешь свободой. Освободить кого-либо – высший человеческий акт. И в Городе знают разницу между актерами и режиссерами. Эта разница – сердце и мозг Империи. В этой стране, как мне хорошо известно, полно актеров, и ни один не пришел мне на помощь, как и бог Тот, которому я поклоняюсь.

– Византийцы, как вы... здесь, милорд, сэр? – Хивел вспомнил слова Дафидда о Глендуре и византийцах.

– Британия же не часть Византии, верно? Для того они и здесь, чтобы это изменить. Как я был в Ирландии, пока не сделался бесполезен для моих режиссеров.

– Если вы не хотите учить меня, сэр, то хотя бы возьмите с собой в Город. Я вас освободил...

– Конечно, это бесполезно, – устало произнес Птолемей. – Ты толком не понимаешь, что у тебя есть душа, и поэтому не осознаешь опасности для нее. А если бы и осознавал, все равно не мог бы отказаться от своей силы. Интересно, есть ли сила, от которой человек способен отказаться. Старый Клавдий пытался отринуть божественность и не сумел...

Птолемей опустил голову на руки и сразу поднял.

– Все бесполезно. Если бы я изменился в Ирландии, я бы тебя и не позвал. Просто дал бы бросить меня в море и благословлял их, пока тону. И тот грубый лучник был прав, ты соблазнительный мальчик. Иди сюда, ученик.

Хивел встал. Птолемей тоже поднялся с земли. Лицо колдуна полностью скрыла тень. Он взял Хивела за шею и заговорил на чистом, безупречном валлийском:

– Клянешься ли ты, Хивел Передир ап Оуэн, всеми богами, которых чтишь, что будешь внимать моим урокам со всей сосредоточенностью, запомнишь каждый от начала до конца и никогда не забудешь?

– Клянусь, – ответил Хивел и сам удивился пронзительности своего голоса.

Птолемей продолжал холодно и бесстрастно:

– Тогда вот тебе урок о природе чародейства и колдунах, истина о всей когда-либо сотворенной магии.

Он стиснул Хивелу шею так, что тому стало больно. Хивел дернулся было, но понял, что не может шевельнуться. Указательный палец Птолемея светился в ночи, красный и горячий, как раскаленная кочерга. Глаза Хивела расширились, и он, как во сне, не мог их закрыть.

Огненный палец пронзил ему глаз, шипя, словно атакующая змея.

Глава 2

Галлия

Димитрию дуке было десять, когда византийский император назначил его отца наместником пограничной провинции. Этот день навсегда врезался в память Дими: яркий солнечный день за окнами семейной виллы, эгейская синева внизу, ветерок, благоухающий морем и оливковыми рощами.

Отец дал ему подержать императорский приказ. Дими запомнил внушительность тяжелого документа, красную восковую печать на пурпурной шелковой ленте. Печать пахла корицей; на ней был портрет императора с большим носом и маленькими глазами (а может, печатка плохо оттиснулась на воске) и год от основания Города: 1135-й.

Была и другая печать, поменьше, золотистого воска. На ней было оттиснуто что-то трехлучевое – отец сказал, это «цветок Галлии», – и надпись: «300-й год Разделения».

Лучше всего Димитрий помнил родителей. Отец, Косьма, стоял в косом свете атриума, в свободной домашней одежде, и походил на Аполлона.

– Я буду стратигом Запада. Это честь. Провинция важная: восточная часть старой *Provincia Lugudunensis*, которую галлы называют Бургундией. Нашей столицей, – тут он посмотрел Дими в лицо, – будет Алезия.

Если Косьма Дука был Аполлоном, то мать Дими, Ифигения, – богиней Герой.

– Галлия?! Как ты можешь называть это честью, когда прекрасно знаешь, что это такое? Императоры Палеологи по-прежнему боятся Дук; им мало, что они отняли у нашего рода престол. Теперь они избавляются от страхов, избавляясь от нас – отправляют последних Дук умирать в холоде и дикости. Если нас не убьют одетые в штаны варвары, то прикончит чума... Нас отсылают, чтобы мы не вернулись!

– Так повелел мой император, – ответил Косьма.

– Император? Узурпатор! Ты больше император, чем он. Ты, Дука...

Спор продолжался долго – не один час, помнилось Димитрию, хотя, возможно, память растянула время. «Алезия, – думал он, – Юлий Цезарь...»

В конечном счете и отец, и мать оказались правы, каждый по-своему. Дуки отправились в Галлию, и никто, носящий эту фамилию, не вернулся в Грецию.

Димитрий первым перевалил через холм. Он обернулся, убедился, что никто его не видит, приник к лошадиной шее и словами погнал кобылу в легкий галоп.

«Иногда нужно пускать в ход шпоры, сынок, – говорил Косьма Дука, – но помни, ты направляешь голосом и телом, не металлом».

Дими уже порядком проскакал вниз по долине, когда на гребне показались его спутники; он услышал их крики, недовольное ржание коней и, наконец, стук копыт далеко позади. Он рассмеялся и шепнул белой Луне под ним: «Мы накормим их пылью перед ужином, милая».

По обе стороны от него проносились бесконечные ряды зеленых лоз на деревянных колышках. Крестьяне в деревянных башмаках и широкополых шляпах кланялись наместничьему сыну в блестящем доспехе из стальных полос.

Сзади – ближе чем Дими ждал – стучали копыта. Он обернулся. Его нагоняла серая в яблоках. Черные волосы всадника струились на ветру, и его широкую ухмылку можно было различить даже с такого расстояния.

Димитрий рассмеялся и помахал. Ну конечно Шарль. Только Шарль мог почти его нагнать.

– Но ближе мы его не подпустим, Луна, – сказал Дими. – Теперь во весь опор, милая.

Луна устремилась вперед, быстрая, как белое облачко в синем небе.

Впереди грунтовая дорога выводила на мощеную имперскую.

– Довольно, Луна, – сказал Дими. Он берег лошадь и к тому же знал, что не стоит безвеской причины нестись галопом по имперской дороге, пугая честной люд.

Луна перешла на шаг в тот миг, как ее копыта коснулись плит. Тут Дими услышал топот слева, чуть позади, и повернулся в седле.

Шарль, привстав в стремях, неся прямо на него. Дими закричал, Луна шагнула вбок; француз развернул лошадь под острым углом. И прыгнул.

Димитрий позволил стащить себя с лошади, и они с Шарлем покатались в придорожной пыли. Пока Шарль силился прижать к земле его плечи, Дими просунул ногу ему под колено, уперся другой ногой и перекатился вместе с навалившимся сверху Шарлем; потом коленом придавил ему грудь и чиркнул большим пальцем по горлу друга.

Шарль, отдышавшись, рассмеялся.

– *Ave, Caesar*, – сказал он, – *morituri salutandum*.

– Ты уже мертвый, – ответил Дими, но тоже со смехом.

Он встал и поднял Шарля. Оба отряхнули друг с друга пыль. Лошади смотрели на них.

Вскоре подъехали и остальные, все мальчишки, сверстники Дими: долговязый Робер, шумный Жан-Люк, тихий Леон, близнецы Реми, совершенно не похожие друг на друга – Ален волосатый и коренастый, Мишель маленький и ловкий, как цирковой карлик. Они, как и Шарль, были в кожаных дублетах и льняных рубашках, подпоясанных пурпурными шелковыми кушаками, которые Дими стащил из материного шитья. Все они были его преторианцы, его *cohors equitata*¹⁴.

– Кто выиграл? – спросил Жан-Люк по-французски. – Если бы не доспехи Дими, мы бы вас не отличили.

– Да и доспехи были все в пыли, – добавил Робер.

Шарль сказал:

– Скачку – я.

– Как кантабр! – закричали все, и Дими тоже.

– А бой – Димитрий.

– Как Цезарь!

Шарль и Дими вновь забрались на коней, и когорта рысью двинулась по имперской дороге в город, через Озренскую долину. Впереди вздымалось Алезийское плато в тысячу триста футов высотой, холмы вокруг него таяли в летнем мареве. Солнце отражалось от гелиостата на вершине плато. Новая империя воздвигла город на месте триумфа старой. Здесь, в Алезии, Верцингеториг сдался божественному Юлию. Слева от Дими была гора Реа, на которую сам Юлий вместе с телохранителями въехал с подкреплением для поставленных там когорт... как ехал сейчас Димитрий.

Перед городскими воротами они пустили лошадей шагом. Стражники в бронзовых доспехах и алых плащах, с золочеными копьями, украшенными орлами, приветствовали наместничьего сына. И Дими, и его товарищи приосанились, проезжая мимо.

Вдоль улиц стояли деревянные и глинобитные дома, крытые дранкой, черепицей и даже свинцом, ибо Алезия процветала; два самых богатых винодела и еврейский банкир недавно начали возводить себе особняки из камня, добытого в Лугдуне на юге – Лионе, как называют его французы. Улицы были такие широкие, что две телеги могли разъехаться, не заставляя пешеходов тесниться к домам; канавы по их сторонам текли в подземные канализационные туннели. Пахло готовкой, стружкой, каменной пылью и конским потом, но не выгребными ямами, как в провинциальных городках.

¹⁴ Конная когорта (лат.).

Над трубами горшечников завивался белый дымок. На крышах стояли бочки и корыта для воды – это придумал один из инженеров Косьмы Дуки. Если случится пожар и крыша прогорит, бочка или корыто опрокинется и потушит огонь. Опыты на игрушечных моделях разочаровали, но кто-то указал, что маленький домик сгорает быстрее настоящего, а в игрушечной бочечке воды несравнимо меньше – объем увеличивается как куб линейных размеров. Когда инженер предложил построить и сжечь настоящий дом, Косьма разрешил ему с согласия горожан поставить бочки на крыши и ждать эмпирического подтверждения.

Когда отряд проезжал мимо жилища Жан-Люка, тот придержал лошадь. «*Ave atque vale*»,¹⁵ – сказал он, и остальные тоже с ним попрощались. По одному (по двое в случае братьев Реми) друзья сворачивали к своим домам; к подножию Монт-Ализ и воротам наместнического дворца подъехали только Димитрий и Шарль.

– Я заметил, что мы миновали твой дом, – сказал Дими, стараясь говорить беспечно.

– Спроси отца, – ответил Шарль. – Спроси его сегодня, Дими.

– Почему сегодня? До декабря еще полгода.

– Ты разве не хочешь его спросить? – Шарль уже не смеялся, даже улыбка исчезла с его лица.

– Хочу, – ответил Дими, а про себя подумал: «Я не хочу услышать “нет”, а пока я не спросил, он не может отказать». Он взглянул на солнце и помолился, чтобы его опасения не проступили на лице. – Тогда пошли со мной.

– Что? Нет, я... я загляну к тебе завтра. – И Шарль цокнул языком, развернул серую в яблоках лошадь и поскакал по улице быстрее, чем разрешено в городе.

Димитрий понял, что друг боится не меньше его, и от этого все – даже сам отказ – вдруг встало на свои места. Он проехал в дворцовые ворота и отправился искать отца.

Мать в переднем зале разглядывала образцы ковров, разложенные под высокими окнами. Когда Дими вошел, Ифигения Дукина разговаривала с купцом; он был в шелковых чулках и капюшоне с длинным шлыком. Говорил он с португальским акцентом. Домашний переводчик стоял у хозяйки за спиной и внимательно слушал.

Димитрий подождал, когда в разговоре возникнет пауза. Ему было интересно, не знает ли купец чего-нибудь о новых землях, открытых Португальской империей по другую сторону Западного океана, однако спросить, конечно, было бы невежливо. Во всяком случае, мать сочла бы это невежливым. Наконец он сказал:

– Где отец?

– На строительстве. Что ты делал?!

– Катался верхом, матушка.

– Где катался – в городской канализации? – Ифигения сузила глаза, и Дими понял, что она скажет дальше. – С этими... галлами, полагаю.

«Французами, матушка», – мысленно поправил Дими, но отвечать смысла не было.

– Лучше бы ты проводил больше времени с ромейскими мальчиками. Ты их прирожденный вождь, они тебя почитают. А галлы просто заискивают перед тобой в надежде на милости.

Разумеется, все обстояло ровно наоборот.

– Ромеи – сыновья писарей и будущие писари, – Дими смотрел матери в лицо. – И евнухи.

Последнее слово решило все – для Ифигении оно прекращало любые споры. Евнух мог достичь любого высокого поста в Империи, кроме одного, мог получить любой титул, кроме императорского. Многие знатные отцы холостили сыновей ради будущей безопасности, чтобы император не боялся их как возможных узурпаторов.

Однако узурпация – всегда называемая «реставрацией» – занимала все мысли семейства с тех самых пор, как три века назад был низложен последний император Дука. Ифиге-

¹⁵ Радуйся и прощай (лат.).

ния Дукиня, выходя замуж, могла бы сохранить собственную почтенную фамилию, однако она целиком отдала себя мечте. Упомянуть кастрацию при ней или Филиппе, дяде Дмитрия, значило напомнить, что мечта эта может умереть.

Наступила тишина. Ифигения ногтями теребила лежащий у нее на коленях ковер. Португальский купец был вежливо глух и нем. Переводчик, сам евнух, стоял тихо, на его младенчески-пухлом лице застыла слабая улыбка.

– Извините меня, матушка, и вы, сударь. – Дмитрий отступил на шаг.

– Вымойся перед ужином.

– Конечно, матушка. – Он вышел.

Над старым дворцом вставал новый: выше, больше, величавее и более византийский, со сложными сводами и контрфорсами. Легион работников ползал по склону холма, копая, передавая, укладывая и выверая. В воздухе мешались известка и опилки.

Косьма Дука стоял у недостроенной стены и беседовал со своим главным военным инженером. Говоря, он водил руками, рисуя дворец в воздухе. Оба были в пропыленных белых плащах, латных нагрудниках, высоких поножах и простых стальных шлемах с прямоугольником ткани, защищающим шею от солнца. Косьма повернулся, и на его груди блеснул золотой имперский орел.

– Отец!

– Иди сюда, сынок!

Дмитрий поднялся по насыпи.

– Ну, Тертуллиан, – обратился Косьма Дука к инженеру, – как он тебе?

Тертуллиан был шире в плечах, чем Косьма, мускулистее, но не так высок ростом.

– Я бы взял его к себе, как только...

Дмитрий без труда угадал конец фразы. Для того он сюда и пришел.

– Клянусь кровью Быка, Тулли, я это знаю. И Карактак бы его взял. Мне надо решить, кем он лучше будет командовать – инженерами или конницей?

Тертуллиан помолчал, впрочем, совершенно спокойно.

– Я слышал, у него хорошо со счетом. И сколько я гонял его со строительства, вижу, он может быть на участке и не убиться.

Косьма скрестил голые руки поверх золотого орла и медленно кивнул, глядя сыну в лицо. Отчасти Дмитрия злило, что его обсуждают, словно годовалого жеребенка или девицу на выданье, но, с другой стороны, он знал, что может избрать любую военную стезю, и гордился, что отцу это известно.

Тертуллиан сказал:

– У меня лишь одно сомнение, стратиг.

Косьма перестал кивать, но лицо его не изменилось.

– Да?

– Осада – дело долгое, стратиг. Даже пушки отгрызают от нынешних стен лишь малопомалу. Глядя на мальчика сейчас, я не знаю, хватит ли ему терпения на рвы, валы и нужники.

Косьма рассмеялся так громко, что некоторые работники обернулись.

– Клянусь моим клеймом, Тулли, теперь я понимаю, отчего инженеров меньше, чем полководцев, и ценятся они выше. Иди сюда, Дими. Сдается мне, быть тебе полководцем. Здесь будет кабинет наместника, прямо где мы стоим. Вот с этим видом в большое окно.

Вид на город был великолепен: слияние трех долин, густая зелень виноградников. И расположение продуманное – на западной оконечности плато. Окно не ослабит оборону дворца, если только противник не умеет летать.

– Итак, сынок. Какие у тебя новости?

Дмитрий вновь повернулся к отцу. Тертуллиан молча отступил на шаг.

– Я хотел спросить... – *Не отводи взгляд, не смотри в землю, говори прямо.* – Про посвящение в мистерии.

– Дими, сам император не может ускорить приход декабря.

– Владыка да напомним ему об этом, – тихо проговорил Тертуллиан.

Димитрий мотнул головой.

– Я хотел... то есть Шарль хочет пройти посвящение. Стать вороном вместе со мной.

Косьма посерьезнел.

– Это Шарль придумал, не ты? – Косьма произносил имя правильно, «Шарль», не «Карл», как другие ромеи.

– Он, отец.

– А его семья поклоняется Митре либо Кибеле?

– Нет, отец. Шарль говорит, они никому особо не поклоняются, только богине Секване, когда болеют. И божественному Юлию. И Клавдию тоже.

– Можно мне сказать, лев? – произнес Тертуллиан.

– Я слушаю тебя, перс.

Дими на мгновение удивился, поскольку инженер точно не был уроженцем Персии, потом сообразил, что они называют друг друга титулами четвертого и пятого ранга мистерий: *Leo* и *Perses*. Неожиданностью было, что Тертуллиан стоит выше отца, но Дими надеялся, что сумел не выказать удивления.

Тертуллиан сказал:

– Владыка видит сердце человека, не его род и племя. Мистерии для тех, у кого довольно отваги.

– Знаю, – ответил Косьма. – И еще я знаю... – Он положил руку Дими на плечо, ласково, но твердо. Дими видел у него на запястье священное клеймо, выжженное, когда отец прошел третий уровень посвящения. – Известно ли тебе, сын, что Империя правит этими людьми со времен божественного Юлия?

– Конечно, отец.

– А ты задумывался, как Империя правит иноплеменным народом?

Дими знал слова из уроков, но сейчас они обрели смысл, и смысл этот ему не особо нравился.

– Мы правим, потому что не навязываем ничего, кроме закона. Никто не обязан чтить наших богов, говорить нашим языком, перенимать наши обычаи, даже ходить по нашим дорогам – только повиноваться законам.

Косьма кивнул:

– И каков первый из имперских законов?

– Доктрина Юлиана Мудрого: все веры равны, ни одна не должна запрещать другие, и ни одну Империя не должна ставить выше других.

Косьма сказал:

– Здесь Империя – это я. И ты, как мой сын, тоже. Если Шарль променяет веру отцов на нашу, его родные скажут, что мы заманили его посулами или даже принудили. Так начинаются мятежи... Мы говорим, что правим со времен Юлия, но это не так. Когда Западный Рим пал под натиском завоевателей, мы потеряли Галлию. Новый Рим с помощью английского короля вернул эти земли. И хотя мы получили землю, народы пришлось завоевывать по новой. Понимаешь?

– Да, – ответил Дими. Он вроде бы и впрямь понял. И еще начал кое-что понимать про должность своего отца.

Тертуллиан сказал без тени осуждения:

– Так молодой галл должен жить без Митры ради проформы?

– Ради Империи, возможно, – спокойно ответил Косьма.

– Будь он другом моего сына...

– Будь у тебя сын и будь у него друг, я с радостью позволил бы ему пройти испытание.

Дими растерялся. Страх ушел, но одновременно ушла и вера в самую возможность спора, и теперь он гадал, чего еще ему предстоит лишиться.

– Отец... ты говоришь... что закон не одинаков для всех?

Косьма на мгновение нахмурился, затем сказал:

– Закон одинаков для всех. Долг – нет.

Долгое время двое мужчин и мальчик стояли молча, словно вдалеке от шума и суеты вокруг. Потом Косьма, неловко похлопав сына по плечу, убрал руку и ушел с Тертуллианом.

Димитрий посмотрел на запад и увидел приближающиеся тучи. За четыре года в этой стране он полюбил ее ливни и особенно те чудесные зимние дожди, которые зовутся снегом. Однако сейчас ветер, несущий тучи, знаменовал перемены; говорил, что отныне ничто не будет прежним.

В тот вечер ужин прошел невесело. Дими помалкивал, считая, что и без того сказал слишком много. Косьма ушел в свои мысли и почти не говорил. Ифигения начала было рассказывать про купленные ковры, но никто не заинтересовался, и она тоже умолкла. Зоя и Ливия, младшие сестренки Дими, чувствуя общую атмосферу, благоразумно держали рот на замке.

Таким образом форум остался свободен для брата Косьмы Филиппа, что было куда хуже любого молчания. Для Ифигении Дукини имперский трон был мечтой, для Филиппа Дуки – видением. У него и впрямь бывали видения, и тогда он бился на полу, прокусывая себе язык.

Косьма рассказывал Дими, что много лет назад Филипп был прекрасным начальником конницы, но упал и ударился головой. Теперь он говорил кругами и зигзагами. Много лет он носил тогу вместо пристойных чулок и котты, но никто не возражал, потому что тоги легче стирать.

Если Фортуна, как некоторые утверждают, богиня, то с ней не поспоришь. И Филипп всегда будет старшим братом Косьмы. К тому же (добавлял отец Дими другим голосом) хорошо известно, в Риме и в Городе, и даже в Галлии и Британии, что сам божественный император Юлий страдал падучей.

Однако порой Филипп бывал ужасен.

– И тогда я сказал, ха, ты, Палеолог, дважды посягнувший, зову я тебя, во-первых, на имя божественного Константина, во-вторых, на титул императора, ха, ты, Палеолог, *дилеонектис*, ты думал, что уничтожил Дук, сделав их царями жалкой галльской земли. – В узкие окна стучал дождь, пламя светильников колыхалось. Глаза у Филиппа расширились, и он продолжал: – Но семя, брошенное в землю, пускает корни, да, и растет лоза, и смотри, как бы она не вползла на краденую багряницу твоего ложа, узурпатор Палеолог, и не обвила твою кривую шею. Так я сказал. Сказал бы, будь я там. Ох, Косьма, брат, малыш, почему ты не взял меня с собой противостать этой твари в ее мраморном логове?

Филипп смотрел прямо на Димитрия. Дими молчал, а про себя думал, есть ли вообще смысл говорить хоть с кем-нибудь в семье.

– Довольно, брат, – ровным голосом ответил Косьма. – Довольно душить императоров, довольно красть багряницу.

Эти слова не подействовали. Они никогда не действовали. Однако Дими помнил, что отец говорил: иногда надо все равно идти в наступление, даже в гору.

– Нет, Косьма, младший брат, ты меня не обманешь! – Филипп хлопнул себя по полуголой ляжке и откинулся на ложе – Дими испугался, что у него вновь начинается припадок. –

Филипп храбр, но Косьма хитер, как и говорила наша мать! Он застигнет Палеологов спящими на их поддельных крашеных шелках, и его сын, *дигенис*¹⁶...

Дими выпрямился на ложе и велел слуге унести его тарелку. Он говорил по-французски; если обеденных прислужников ловили на том, что они понимают греческий или латынь, их немедленно прогоняли.

– Мне можно идти, отец?

Косьма угрюмо кивнул. Ифигения смотрела растерянно. Филипп ничего не замечал. Димитрий вставил ноги в кожаные паттены и вышел как можно бесшумнее и незаметнее.

В коридорах было темно, в окна барабанил дождь. Дими прошел мимо фрески, изображающей победу Цезаря над Верцингеторигом. Краски подновляли много раз. Дальше висела шпалера, изображающая Разделение Галлии. Триста четыре года назад император Мануил Комнин и британский король Генрих II разделили земли от Северного моря до Средиземного.

Димитрий не понимал, как черта, проведенная на карте, покончила с войной. Англия – такая крошечная страна, как бы она устояла перед Империей, отправь туда Мануил свои легионы?

Димитрий знал, что во времена Старой Империи легионы в Британии были. Их привел божественный Юлий. Был цезарь Узких морей во времена, когда мощь Империи составляли легионы, а не законники.

Мать Дими уже выбрала в новом дворце место, где повесить шпалеру с Разделением, но фреску, сказали инженеры, перенести не удастся – слишком она старая и хрупкая. Димитрий решил, что после переселения на холм будет иногда сюда заходить, смотреть на Цезаря.

«Победы Новой Империи, – думал он, ведя рукой по шпалере, цепляя ногтями нити. – Победы писарей. Победы законников. Но я буду помнить тебя, о Цезарь».

Быть может, когда-нибудь снова будет цезарь – или стратиг – Узких морей. Если отец прав, то ему, Димитрию, предстоит стать полководцем... Однако сейчас, наслушавшись обеденных речей дяди Филиппа, он не мог о таком и думать.

В соседней комнате, библиотеке, горела лампада. Дими знал, что там Лукиан, заместитель отца по управленческой части, и все равно по какой-то причине, а может, и без причины, сбросил кожаные сандалии и в одних чулках тихо вошел в комнату.

Лукиан сидел на высоком табурете перед пюпитром, подобрав на колени белое одеяние. Сбоку от него стояли перья и чернильницы, а также камень, чтобы чинить перья. Лампада с лупой ярко освещала страницу, которую он писал, глаза внимательно смотрели через линзы очков, завязанных на затылке черной лентой.

Дими знал, что шуметь нельзя. Малейший звук, и Лукиан поставит кляксу или криво нарисует букву, и тогда Дими пожалеет, что не остался слушать дядю Филиппа.

Лукиан был египтянин, с докторской степенью Александрийского университета; стратеги обычно брали себе помощника из невоенных. Его настоящее имя по-гречески было неблагозвучно – «как непристойное слово», объяснял он, – поэтому он стал зваться Лукианом. Лукиан был смуглолицый и тощий, как палка – самый худой евнух, какого Димитрию случалось видеть. Он как будто никогда не ел, а вместо вина пил травяной отвар. Его религией было нечто чрезвычайно заумное под названием «знанизм».

Дими стоял совершенно неподвижно и смотрел, как Лукиан изящно водит гусиным пером по бумаге, выводя угловатые буквы официального византийского алфавита, кириллицы. Дими прочел: «14-й доклад университетскому руководству. По прочтении сжечь».

«Напоминаю вам, что теории... – (рука Лукиана закрывала часть написанного), – ...в данном случае это человеческие существа, а не цифры. Впрочем, я полагаю...»

Лукиан наморщил нос, затем осторожно поднял перо от бумаги и обернулся.

¹⁶ Двоерожденный (греч.).

– Добрый вечер, Димитрий. – Лукиан улыбнулся, изогнув губы под острым углом. – Тебе книга нужна или я?

– Ни то ни другое. Я просто... гуляю. Что ты пишешь?

Лукиан взглянул на пюпитр, вздохнул, потом взял чистый лист и накрыл написанное.

– Очередное самооправдательное письмо людям, которые требуют объяснений, но никогда не понимают написанное.

Димитрий отлично знал, как это бывает.

– Лукиан... почему столько императоров звали Константинами? Это ведь как-то... непочтительно по отношению к Божественному?

Дими знал, что вопрос глупый – тем более что десятый Константин был Дукой. Но это позволяло не спрашивать о том, о чем ему хотелось спросить – про обязанности пограничного наместника, – и не получить ответ, который его наверняка огорчит.

Лукиан задумался. Иногда он не отвечал Дими или отсылал того за ответом к отцу, но никогда не отмахивался от его вопросов как детских или глупых.

– Не знаю, так ли много одиннадцать Константинов за одиннадцать веков. Иоаннов тоже было много. Но. Ты знаешь, что у нас нет закона о престолонаследии: всякий, кто может добраться до трона и удержать его – за счет происхождения, силой либо по инерции... или как-нибудь еще... тот и есть истинный император. За некоторыми исключениями. – Евнух глянул на свой пах.

– Да, знаю. – Если что Дими и знал слишком хорошо, то именно это.

– В любой исторической книге ты прочтешь, что первый Константин умер в своей имперской постели и уберег оба глаза. И если не считать Констанция, который ничего не мог поделаться со своей природой, думаю, императоры старались возродить лучшее, что было в правление Божественного Основателя. Магия имен, если хочешь. Это трудно считать непочтительностью. Даже если это не помогло третьему Константину, шестому и седьмому.

Димитрий кивнул:

– Спасибо, Лукиан.

– Не за что, Димитрий. – Оба носили длинные официальные титулы, но в личном разговоре можно было обходиться именами.

Дими повернулся к выходу.

– Димитрий...

Он обернулся. Евнух на табурете казался тощей белой птицей. Свет лампы звездами вспыхивал в его очках.

– ...вполне подходящее имя для императора.

Дими кивнул и ушел к себе, гадая, знает ли Лукиан, о чем он думает, если ему самому это не вполне понятно.

– Ложись! *Vite!* Быстро!

Услышав шепот Шарля, Дими бросился на живот и тут же пожалел, что не надел бригадину¹⁷. Впрочем, кожаный дублет легче и двигаться в нем проще.

Рядом Шарль медленно приподнял голову над недостроенной стеной, за которой они прятались.

– Вроде все ушли. Готов?

Дими встал на четвереньки.

– Готов.

– Тогда давай.

Они перелезли через стену – две скользящие тени в осенних сумерках.

¹⁷ Бригандина – доспех, в котором металлические пластины наклепывались под стеганую основу.

Сегодня они играли в Великий Набег. Недостроенный дворец был замком чародея в Срединной Африке, Дими – Ричардом Львиное Сердце, а Шарль – Юсуфом ан-Насиром. Дими хотел был восточным государем, но Шарль не пожелал быть англичанином, даже великим.

Все остальное было просто. Работники – зачарованные стражи черного колдуна – обладали глазами василисков: если государей заметят, им конец. Кабинет наместника – убежище чародея, и если они доберутся туда живыми, то добрая дамаская сталь, меч и ятаган, покончат с демоном.

Они перебежали по склону, перебираясь через строительные леса и брошенные инструменты, замирая при звуке голоса и движении тени. Лестница не охранялась, и они тихо спустились по ней, два государя в башмаках с мягкими подошвами.

– Здесь, брат мой Юсуф, – прошептал Дими, – мы должны разделить, чтобы нас не убили вместе у самой цели.

– *Oui, Cœur-de-Lion*¹⁸. – Шарль говорил не по-арабски, но это не имело значения. И волосы у него были достаточно темные для турка, такие же темные, как у Дими. – Твою руку, мой западный брат?

Дими пожал Шарлю руку и подумал, что они и впрямь очень похожи. Шарль страдал, что его не допустили к мистерии, однако это их не рассорило. Ричард Львиное Сердце поклонялся Аполлону, а Юсуф Салах ад-Дин – Ормузду, однако они жили, воевали и умерли рядом как братья по оружию.

Они разняли руки и пошли в разные стороны, Шарль налево, Дими направо.

Дими шел вдоль стены. Земля была мягкая, сильно и приятно пахло мокрой травой. Он выковырял из-под ногтей каменную пыль.

Впереди стена поворачивала и склон обрывался. Сразу за углом должно быть большое окно кабинета. Было и маленькое окошко, всего в шаге справа...

Нет, подумал Дими, король Ричард не полез бы в окошко, как вор. Он свернул за угол. Впереди мелькнула тень. Пока взгляд стража его не убил, Дими ухватился за подоконник и запрыгнул внутрь.

Шарль точно так же запрыгнул с другой стороны окна; оба разом приземлились на пол и одинаково пригнулись. Потом указали друг на друга пальцем и сказали одновременно: «Я думал, ты...» – и покатались от хохота.

Шарль вскочил.

– Ага, колдун черной страны, государи Востока и Запада пришли положить конец твоему гнусному правлению! Ты первый, Львиное Сердце.

Дими изобразил, что выхватывает меч, но помедлил.

– Разом.

Шарль улыбнулся и вытащил кривую саблю. Дими видел узорчатый клинок так же ясно, как собственный меч.

– Давай.

Димитрий пропорол чародею живот, Шарль снес ему голову. Они отсалютовали друг друга клинками, вытерли их о плащ чародея и убрали, цокнув языком, чтобы изобразить звук стали, входящей в ножны.

Шарль сказал:

– *Mon ami Cœur-de-Lion*¹⁹...

– Да, царь Иерусалима?

– А колдуны не проклинали своих убийц?

Димитрий глянул на воображаемый труп.

¹⁸ Да, Львиное Сердце (фр.).

¹⁹ Мой друг Львиное Сердце (фр.).

– Я и забыл. Может, это неправда.

Тут они слышали голоса и приближающиеся шаги.

– Все-таки правда, – сказал Дими.

– В окно?

– Может, они пройдут мимо.

Мальчики сдвинулись чуть ближе к двери, вжались в стену и прислушались.

– Это мой отец, – сказал Дими, – и...

– Стена движется, – перебил Шарль.

Каменная панель, к которой они прислонились – по виду неотличимая от остальной стены, – повернулась на невидимых петлях.

Шарль и Дими переглянулись и шагнули внутрь.

Там было темно. Дими сделал шаг назад, не нащупал ногой пола и ухватился за стену, чтобы не упасть. Глаза потихоньку привыкали к темноте – немного света проникало через узкую щель наверху. Дими увидел лестницу, ведущую вниз, во мрак.

– Подземелье? – прошептал Шарль.

– Вряд ли. Подземелье должно быть с другой стороны дома. Это, наверное... митреум.

– Тогда мне туда нельзя.

– Мне тоже. Но и здесь оставаться нельзя. И к тому же он наверняка еще не достроен.

Они спустились в молчании, слыша лишь шорох собственных шагов и стук крови в ушах.

– Думаю, она поворачивает, – сказал Дими.

Но лестница не повернула, а закончилась тупиком.

– Ловушка, – чуть слышно выговорил Шарль. – Вроде тех, что строители пирамид делали для грабителей. Как ты думаешь, камни нас раздавят или мы тут задохнемся?

– Здесь есть свет и воздух. – Дими указал на щели в потолке. Однако слово «пирамиды» напомнило ему о Лукиане, и он подумал, что в щели может проникнуть не только воздух.

Сверху раздались голоса. Свет фонарей залил стены и ослепил мальчиков. Дими понял, что там его отец и Тертуллиан, инженер.

– Что такое... – произнес Косьма, и его слова гулко отдались под сводами. – Тулли, там кто-то внизу.

– Господин? – Тертуллиан сделал шаг и повел фонарем. Затем вытащил короткий меч и двинулся вниз по ступеням.

У Дмитрия перехватило дыхание.

– Что, во имя Быка и Пса, вы тут делаете? – спросил Косьма Дука, увидев мальчиков. В голосе его мешались удивление и гнев.

– Я велел Шарлю идти со мной, – сказал Дими. – Он не виноват.

– Стратиг, я виноват, – возразил Шарль на превосходном солдатском греческом. – Мы сделали эту глупость вместе.

Димитрий готов был умереть на месте. Наместник поднял брови.

– Мы не хотели заходить в тупик, – сказал Дими.

Тертуллиан хохотнул, а Дими закончил:

– Если вы нас выпустите, мы сейчас уйдем.

Лицо у Косьмы Дуки стало очень суровым, но в то же время задумчивым. Наверное, такой вид был у Аполлона, когда Гермес украл его коров. Дими лишь надеялся, что им это так же сойдет с рук.

– Тертуллиан, – ледяным тоном произнес Косьма, – об этом ходе ведь никто не должен знать, кроме нас?

– До сего дня никто и не знал, стратиг.

Косьма медленно кивнул.

– Тертуллиан, озаботься, чтобы они не выдали тайну.

– Да, наместник.

Инженер двинулся на мальчиков, держа выставленный меч на высоте груди. Дими глянул на клинок, потом на отца. Оба были равно безжалостны.

Дими шагнул вбок, закрыв собой Шарля.

– *Non*, – сказал его друг, и они встали рядом у стены.

Тертуллиан вонзил меч в трещину между камнями. Раздался щелчок.

Открылась еще одна панель, как наверху.

– Идите, Кастор, Поллукс. – От смеха Косьма еле-еле мог говорить.

Шарль и Дими, пригнувшись, юркнули через дверь в недостроенную галерею и выбежали из дворца.

За ужином о происшествии не было сказано ни слова, но Косьма Дука был весел и много говорил о планах на зиму и весну среди французов. Он так их и называл: не *Gauli*, а *Franciscoi*. И его взгляд, когда он смотрел на Дими, был как солнце после месяца дождя.

– Бык должен умереть, – изрек голос в темноте.

Димитрий стоял неподвижно, перебарывая дрожь. Ему завязали глаза алой шелковой повязкой, не пропускавшей свет, раздели его и стянули руки за спиной мягкими тугими жилами. Затем подняли, понесли, снова поставили на холодный камень... но где это, он не знал, только что его несли вниз по лестнице. Мистерии всегда происходили под землей.

– Но кто убьет быка? – спросил другой голос.

Дими не мог разобрать, кто говорит, хотя и понимал, что должен знать этих людей. Необходимость стоять неподвижно и удерживать равновесие со связанными руками не давала ему сосредоточиться.

– Митра, – произнес первый голос. – Митра – друг всякого скота, он убьет быка.

– Убьет ли он друга? – спросил второй. – Он не согласится.

Жар омывал Димитрия со всех сторон, пламя гудело совсем близко. Пахло серой и нефтью. По всему телу выступил пот, капли мгновенно высыхали, стягивая кожу. Он стоял перед лицом Солнца.

– Митра убьет быка, – произнес голос Солнца; мучительный жар как будто пульсировал вместе со словами. – Ибо таково мое веление, а он – воин и должен повиноваться... Где ворон?

– Здесь, о Солнце, – ответил Димитрий, стараясь не глотнуть воздух из печи.

– Ты должен доставить мое повеление Митре, на Землю под нами, – сказала Солнце. – Он должен убить быка, ибо без малой смерти не будет новой жизни. Отнесешь ли ты мое повеление?

– Да.

– Тогда, ворон, расправь крылья.

Пламя коснулось запястий, и Дими почувствовал, что его руки свободны. Он поднял их над головой.

– Ворон, ты владыка высшего воздуха. Крылья понесут тебя на Землю.

Пламя с шипением погасло. В лицо Дими ударил обжигающе холодный ветер.

Он двинул босой ногой и не ощутил пальцами ничего, кроме несущегося снизу воздуха. Тогда он раскинул руки и отдался воздушному потоку, не зная, как глубока бездна. Ветер оглушал, голова кружилась, холод был хуже жара, кожа пошла мурашками. Дими знал, что где-то наверху, в обычном мире, сейчас декабрь.

Ветер стих. Дими качнулся, не чувствуя своего тела. «Гермес, защитник ворона, помоги мне», – взмолился он, однако за звоном в ушах различил лишь смех плутовского бога.

На плечо ему легла рука – сильная рука воина с мозолями от меча.

– Ворон, я вижу, ты спустился на луче самого Солнца; зачем ты явился ко мне?

На жуткое мгновение Дими ощутил слабость в коленях и подумал, что не сможет заговорить, однако в следующий миг силы вернулись.

– Ты Митра, и ты должен убить быка.

Рука крепко держала его за плечо.

– Кто так сказал? Посланец ли ты Аримана, желающего смерти быку?

– Я принес повеление Солнца, – ответил Димитрий. – Оно сказала, что быку должно умереть.

– Да будет так, – проговорил Митра, и, хотя Дими хорошо знал легенду, его изумила горечь в словах Владыки.

Митра убрал руку с плеча Дими. Мгновение тот стоял, голый и одинокий, затем на плечи ему накинули одеяние, ноги вставили в обувь. С глаз сорвали повязку, и он заморгал в свете огня.

Он был в длинном сводчатом зале. В обоих концах зала горел огонь, вдоль стен тянулись колонны; между колоннами, будто за трапезой, возлежали на ложах посвященные.

Некоторые были в черных подпоясанных одеяниях и черных капюшонах из перьев, с клювами над глазами. Двое таких воронов стояли рядом с Димитрием. Они завязали на нем пояс и возложили ему на голову капюшон.

Человек в алом одеянии и фригийском колпаке – высший из посвященных, носящий звание отца, – положил руку на серп у себя за поясом и ударил посохом.

– *Хайре, иерос коракс!* – провозгласил отец всех собравшихся, и братья ответили хором: «Радуйся, священный ворон!» Вороны, стоящие рядом с Димитрием, отвели его к остальным, и началось следующее посвящение.

Димитрий заворуженно разглядывал механизм: через отверстие в полу вдували сперва греческий огонь, затем холодный воздух. Помост, казавшийся таким невообразимо высоким, поднимался над полом всего на ладонь.

Двое желавших стать воронами не прошли испытания; один потерял равновесие при прохождении через воздух, другой лишился чувств перед лицом Солнца. Огонь потушили в тот миг, когда юноша начал на него падать. Обоих подняли и, не снимая с них повязок, без единого слова унесли двое посвященных третьего уровня, именуемых воинами. Через год, если пожелают, юноши смогут повторить попытку. Мистерии – для отважных.

Когда все, прошедшие испытание, заняли свои места, подали священную трапезу – мясо убитого быка, зажаренное на длинных кинжалах, и бычью кровь в кубках, а потом – крепкое красное вино.

То был день братства, день, когда Митра родился, чтобы принести всем людям новую жизнь: двадцать пятый день декабря, год от основания Города 1139-й.

Август, год от основания Города 1140-й, от Разделения 305-й.

Косьма Дука смотрел в потолок спальни. Глаза у него были тусклые, словно камешки, волосы свалились, щеки запали, а на руках, сжимающих одеяло, сквозь кожу проступали жилы.

Это неправда, думал Димитрий, глядя на лежащего. Не может лев Митры быть таким, и Аполлон бессмертен.

Однако подле Косьмы Дуки были врачи, и щупали его, и прислушивались к звукам его тела, и часами вглядывались в склянки с его телесными жидкостями, и все говорили, что конец близок. Димитрий думал, что если исцеление невозможно, то лучше бы врачи оказались правы, и ненавидел себя за эту мысль.

По углам комнаты день и ночь горели благовонные свечи, защищающие от сглаза; на дверях и окнах висели обереги, преграждая путь демонам-убийцам. Ифигения скупил у городских аптекарей весь запас аликорна, потратив на это целое состояние; во все, что Косьма ел, в каждый кубок его вина добавляли по щепотке. При том, как мало он ел, запаса должно было

хватить лет на сто. Немудрено, что никто не видел живых единорогов, думал Дими, при такой-то цене на их рог в мире, где столько отравителей.

На прошлой неделе через Алезию проходил молодой человек, назвавшийся колдуном; он пообещал вылечить наместника, а за это потребовал золото и девицу-служанку для полуночного ритуала. Косьме лучше не стало. Легкая конница Карактака настигла колдуна и привезла обратно. Он все еще был забрызган девичьей кровью.

Всего месяц назад работники стеклили окна новой резиденции, Косьма со склона холма отдавал им указания. Дмитрий, подходя, окликнул отца; тот повернулся... и осел на землю, преклоняя колени перед чем-то невидимым...

Думали, что это солнечный удар, что наместник перетруился, что был одет слишком жарко для летнего дня. Однако Косьма не мог говорить. Очень скоро он перестал вставать, а затем и садиться. Теперь двигались только глаза, и когда Дмитрий ловил на себе их взгляд, ему чудилась в них какая-то просьба.

Снаружи раздался истошный вопль. Дими выглянул в окно. Двое воинов волокли колдуна прочь от Тертуллиана, который стоял с раскаленным на огне кинжалом. Еще один человек никогда не станет византийским императором.

Выходя из комнаты, Дмитрий чуть не столкнулся с матерью. С ней были его сестры. Зоя несла маленький тамбурин, Ливия – серебряный кимвал, и Дими понял, что они пришли из храма Кибелы. Он надеялся, что они помянули душу служанки.

За дверью он сунул руку под рубаху, коснулся серебряного медальона, ощупью нашел ворона и кадуцей. Диск был холодным, словно обычный кусок металла. Говорят, Митра бессмертен и все его служители приобщаются к вечности. В декабре, среди огня и воздуха, казалось, что и впрямь есть нечто вечное; теперь наступил август с жаркой сыростью и запахами болезни, а если Косьма Дука умирает, то может умереть и любой другой бог.

Дими спустился в библиотеку, рассчитывая найти Лукиана, но там был дядя Филипп – перелистывал две книги, кроме которых вообще ничего не читал: «Хронографию» Михаила Пселла с цветистыми словесными портретами императоров-Дук, Константина X и Михаила VI, и пятивековой давности эпическую поэму «Дигенис Акрит». В ней сын женщины из рода Дука и сирийского царя разбил варварские полчища и основал волшебное княжество на реке Евфрат.

Дмитрий вышел наружу. У ворот дворца спешили несколько человек – знатные французы из города. Среди них были и отцы его друзей. Дими огляделся.

Да, так и есть. Шарль, Жан-Люк, братья Реми и остальные подъезжали к воротам. Дими помахал и пошел к ним. Почему-то бежать сегодня казалось неправильным. Возможно, из-за солнца.

– Добрый день, *бонжур*, рад вас видеть.

– Наши отцы получили послание наместника, – сказал Ален Реми. – Ему намного лучше, Дими?

Жан-Люк добавил:

– Мы принесли за него жертву Секване. Мы все вместе.

Дмитрий не знал, что ответить.

– Вы хотите сказать, послание от Лукиана.

– Не от заместителя, – сказал Шарль. – Я видел письмо, там написано: Дука, стратиг. Почерк очень неровный, но мы ведь знаем, что наместник тяжело болел.

– Не... не понимаю. – Дмитрий повернулся к дому, пытаясь сообразить. Косьма Дука не мог взять перо и написать свое имя, сколь угодно неровно. Лукиан не стал бы писать за него. Так кто этот, посягнувший на власть, *плеонектис*...

Филипп.

– Подождите меня здесь, – сказал Дими и двинулся к дому.

Он успел дойти до лестницы, когда из двери в портик, шатаясь, выступила его мать. Она была простоволоса, а головной убор сжимала в руках. Дмитрий в ужасе бросился к ней.

– Матушка, идемте в дом, – сказал он. – Где дядя Филипп, матушка?

– Занят, – ответила она заплетающимся языком, – занят мужскими делами с одетыми в штаны вожжами галльской преисподней... А это твои друзья-варвары?

Лицо у нее опухло от слез, и сейчас она вновь заплакала. Вином от нее не пахло.

– Спроси их... – Она вскинула руку и закричала: – Вы! Галлы!

Затем протиснулась мимо Дими к мальчикам. Дими ринулся за матерью, но удержать ее не решился.

Ифигения сказала громко:

– Мне нужен вампир.

Никто не шевельнулся. В недвижном воздухе висела пахнущая навозом пыль.

– Вы оглохли? Не понимаете языка? Дими, переведи. Скажи им, что мне нужен вампир, я заплачу золотой имперской монетой.

– Матушка, что ты говоришь?

Она повернулась к нему, держа в руках смятый головной убор, из глаз текли слезы.

– У тебя башка деревянная? Твой отец умирает. Ты дашь ему умереть или поможешь мне его спасти?..

– Аримановым змием?! – еле выговорил Дими.

Ифигения дала ему пощечину. Боли не было, но Дими уставился на мать. Щека горела, глаза щипало, и он знал, что если сморгнет, то расплечется.

Дмитрий прошел мимо нее к своим воинам и тихо спросил по-французски:

– Знаете ли вы, где есть... зараженный?

Мгновение все молчали. Потом Шарль сказал:

– Есть в Сеньи, дальше по имперской дороге.

Дими кивнул:

– Хорошо. – Он оглядел своих преторианцев. – Никто из вас не обязан меня сопровождать.

– Мы едем с тобой, – ответил Жан-Люк.

Никто не возразил, Шарль только вытащил из-под рубахи багряный кушак и повязал через плечо и грудь.

Они молча ехали по долине на северо-запад, копыта высекали искры из римских плит. «Скачем, как демоны», – подумал Дими, пробуя иронию на вкус.

Через несколько миль, на расстоянии, с которого их нельзя различить из дома невооруженным глазом, Дими дал знак остановиться.

– До Сеньи нам скакать долго, – сказал Ален.

– Дальше мы не поедem. – Дими спрыгнул с седла и повел Луну в сторону от дороги, ласково разговаривая с белой кобылой. Он нашел для нее траву, а сам сел на камень. Отсюда ему была видна вершина Монт-Ализ, золотистая на фоне восточного неба. Остальные наблюдали за ним, потом тоже спешили и подошли.

– Предводитель... – начал обычно молчавший Леон.

– Когда Митра убил быка, – медленно проговорил Дими, – он перерезал ему горло, чтобы кровь быка дала жизнь всему на земле. Но Ариман... Враг... отправил своего раба змия выпить кровь.

Дими огляделся. Уж конечно, мистерии не пострадают от того, что он это расскажет. В конце концов, он говорит ради Митры. И ради отцовской души.

– Ворон увидел змия и клюнул его. И пес, друг человека, укусил змия. И Митра раздавил его пятой. И все же змий глотнул бычьей крови и уполз живой... однако раны ему нанесли бог и друзья бога, посему он должен пить кровь, чтобы оставаться в живых.

Дими помолчал и добавил:

– Отец проклял бы нас всех... – Он умолк, потому что голос его дрожал.

Шарль сказал:

– Тогда, я думаю, хорошо, что в Сеньи никакого вампира нет.

Все вытаращились на него. Потом Дими улыбнулся, а следом заулыбались остальные. «Они поняли, и это главное», – подумал Дими.

– Долго нам ждать? – спросил Жан-Люк.

Дими глянул на восток.

– До заката, наверное... – И тут же резко добавил: – Нет. По коням!

Над твердыней Верцингеторига вспыхивал гелиостат: вращающееся зеркало сообщало всей Империи, что один из ее стратигов отошел в мир иной.

В рукотворной пещере, залитой светом пламени, гулко отдавался голос солнечного вестника – посвященного, стоящего лишь на одну ступень ниже отца.

– О владыка! Я заново родился и умираю, ликуя. Рождение, дарующее жизнь, дало мне бытие и освободило меня от смерти. Я ухожу, как ты повелел...

Гроб висел на железной сетке над помостом в конце митреума. Дими, в черном одеянии и черном вороновом капюшоне, чувствовал запах нефти и собственного пота.

Солнечный вестник читал молитву Юлиана Мудрого, императора Византии:

– ...огненная колесница понесет тебя к Олимпу в кружении вихря; ты освободишься от проклятья и усталости твоих смертных членов. Ты достигнешь отчих дворов вечного света, откуда ушел, дабы войти в человеческое тело...

Пламя взметнулось от пола, мешаясь с ветром; языки огня взвивались и ревели, словно львы пожирали гроб с телом мертвого льва.

Дими мысленно возблагодарил Митру, что капюшон скрывает его глаза.

* * *

Смерть одного человека не могла поколебать Империю. Карактак, предводитель конницы, стал временным военным командующим, административные обязанности наместника взял на себя Лукиан. Казначей и писари после трех дней траура вернулись к работе. Из Города ждали нового стратига – его должны были прислать в самом скором времени. Вот и все, что произошло на имперском уровне.

На домашнем уровне Димитрий меньше общался с семьей и больше с друзьями. Мать каждый день ходила в храм Кибелы; она теперь сама готовила себе еду и сыпала каждое блюдо аликорном, более драгоценным, чем золотой песок. Дядя Филипп при виде Дими мрачно улыбался. Он сделался уклончив и молчалив, что было легче переносить, чем его прежние вспышки, но отнюдь не успокаивало.

А в декабре Шарлю и Роберу предстояло стать воронами. Ничто больше этому не препятствовало.

В октябре завершили строительство нового дворца. Лукиан договорился, что Дуки с их личными слугами могут жить в старом доме, сколько захотят; какие-то административные проволочки мешали им вернуться в греческое имение.

Разумеется, часть старой мебели должны были забрать в новый дворец, но семья вполне могла обойтись несколькими комнатами. Шпалеры, включая «Разделение Галлии», свернули и унесли; в жилых комнатах для защиты от холода и сквозняка повесили обычную ткань. Чтобы не беспокоить Дук всякий раз, как ему нужна очередная книга, Лукиан распорядился перенести библиотеку во дворец на холме. Из-за архитектурных особенностей дома единственное отхожее место, которое они решили оставить, оказалось и самым неудобным.

В последнюю ночь ноября Димитрий пошел из своей спальни на кухню – взять ломоть хлеба и немного подогретого вина. На обратном пути он остановился перед Алезийской фреской. Единственный тусклый светильник подрагивал, и тени как будто оживляли нарисованные фигуры. Галлы сражались в беспорядке грубыми крестьянскими орудиями. Легионеры надвигались строем, молот Империи.

Верцингеториг стоял на горе, ветер трепал его волосы; он вел своих людей на смерть, чтобы они умерли свободными; тот же ветер развеивал плащ Юлия, с бесконечным терпением уничтожающего оборонительные сооружения противника.

Черная тень упала на божественного полководца. Дими повернулся и увидел Филиппа. Тот держал в руке раскрытую книгу – «Дигениса Акрита» – и в неверном свете казался своим мертвым братом.

– Твои волосы черны, как у сирийца или галла, и все же я знаю, что ты – Дука. – Филипп говорил твердо, не заговариваясь, как обычно, однако слова были те же самые. – Идем со мной.

Дими пошел за дядей, сам не зная почему. Возможно, из-за его сходства с отцом.

Они вошли в бывший наместничий кабинет. Комната пустовала много месяцев, дверь в нее не открывали. По крайней мере, так Дими полагал до сего дня.

Он ошибался. Внутри были сундуки, и доспехи, и груды оружия; на стене висели военные карты окрестностей Алезии и план нового дворца.

– Что это?! – проговорил Дими, не веря своим глазам и чувствуя, что вошел в очень, очень дурной сон.

– Это великий труд. Труд, который мой брат не успел завершить. – Филипп положил книгу и указал на одну из карт. – Восстановление Дук на престоле мира... начиная отсюда, с земли, откуда выступил божественный Юлий.

Димитрий помотал головой. Это и впрямь был сон, старый безумный сон, и теперь, когда Косьма Дука тоже уснул, некому было их разбудить.

– Косьма завоевал их словами, я – золотом и словами.

Филипп открыл сундук, взял пригоршню монет и дал им просыпаться сквозь пальцы. Сейчас он казался неким демоном из легенды – демоном, который показывает герою свое злое колдовское богатство.

Дими гадал, откуда взялось золото... и осталась ли еще белая вилла на синем Эгейском море.

Филипп сказал:

– Знаешь, что он говорил о тебе? Он говорил: «Вот мой сын, которого любят галлы. Он будет царем, мой сын, пусть для начала в Галлии». И ты им станешь. Но в Галлии это не закончится. И в Греции тоже. Это закончится в Константиновом граде... а может быть, не закончится и в нем. Мы с твоим отцом читали галлам из книги Дигениса, и они нам поверили.

Дими не верил, не мог поверить, что отец и впрямь говорил что-то подобное. Он пытался сообразить, какие слова Косьмы Филипп так извратил.

И Косьма Дука не называл здешний народ галлами.

Филипп говорил:

– ...они поднимутся по твоему слову, Димитрий Дука, *дигенис*.

Дими отвернулся и вышел из комнаты. Хлеб в руке разломился, вино стекало по пальцам на пол.

– Знаю, почему отвергают венец на мече, – сказал Филипп из дверного проема. – Конечно, Митра твой венец. – Голос, которым он кощунственно высмеивал мистику, был спокойно рассудителен и так походил на голос Косьмы, что у Дими мороз побежал по коже. – Однако в мире есть императоры и короли, и наш Владыка – их второй венец. Божественный Юлиан Мудрый...

Три фигуры стояли в темноте перед Дими: мать и сестры, полностью одетые среди ночи.

– Ты перечил ему при жизни и покинул его в час смерти, – сказала Ифигения, – но почти отцовскую волю сейчас, или, клянусь Иштар, я перережу тебе глотку и омоюсь в твоей крови, как в бычьей, ибо ты не мужчина, а скот, посланный мне для жертвоприношения.

Димитрий смотрел в пол. Ливия и Зоя цеплялись за материно платье, и он чувствовал исходящий от них страх. Дими стоял босой, замерзший и нелепый, чувствуя свою слабость; из руки сыпались крошки и капало вино. Он закрыл глаза и в мысленном мраке увидел фреску: Верцингеториг в окружении одних лишь галлов.

Но я буду помнить тебя, о Цезарь.

Воины *cohors equitata* собрались пешими на вершине Монт-Ализ холодной и ясной декабрьской ночью. Они были в кожаной обуви для тишины и скорости – им предстояло пройти мимо василисков и разыскать враждебного колдуна в его крепости.

– Но это будет не как в игре, – сказал Димитрий, выдыхая морозный пар. – Стражи не могут убить нас взглядом, так что нам лучше держаться вместе. И они лишь недавно в новом дворце, а мы знаем там каждый угол и закоулок. И мы знаем место, о котором они не ведают.

Шарль улыбнулся. Они с Дими рассказали другим про потайную лестницу, но те там еще не бывали.

– Мы войдем через верхние покои, через пожарный ход. Лукиан в дальней комнате. Если его там нет, он либо в библиотеке, либо в кабинете. Так что мы по узкой лестнице спустимся в библиотеку и оттуда пойдем в западную галерею, из которой есть выход на потайную лестницу. – Дими умолк, его руки застыли в воздухе. – Панель сейчас завешана тканью, так что никто не поймет, куда мы ушли.

Димитрий видел, что друзьям страшно; он сравнил их чувства со своими и не стал больше об этом думать. Однако теперь ощущалось что-то еще, нечто большее, чем тревога.

Жан-Люк сказал:

– Когда мы возьмем в плен заместителя... он велит воинам сложить оружие?

– Конечно, иначе мы... – Дими осекся. Мысль о том, чтобы убить Лукиана, не приходила ему в голову, и теперь ее трудно было принять. – Однако к тому времени горожане уже будут у ворот требовать нового наместника...

Глядя в их лица, мрачные и заострившиеся в свете маленького фонаря, Дими понял, что это за странное чувство. Сам он только что сполна его ощутил. То было чувство вины.

– Мой отец... не вооружался, когда я выходил из дома. – Шарль говорил как Митра, когда тот согласился убить своего друга быка.

– Наш тоже, – тонким голосом добавил Мишель Реми.

Робер сказал:

– Мне велели сегодня остаться дома.

Дими чуть не спросил, зачем же они пришли, но знал ответ и не хотел их оскорблять.

«Людей направляют не металлом», – сказал как-то Косьма Дука, а золото, подобно стали, всего лишь металл.

– Если я прикажу вам идти по домам, вы подчинитесь? – спросил Дими.

Все они, один за другим, поклялись, что подчинятся. Потом Шарль сказал:

– Если мы тебя оставим, ты все равно нападешь на дворец, один?

– Да.

Иногда надо идти в наступление несмотря ни на что.

– Тогда не приказывай нам уходить.

Дими вновь увидел фреску, куда четче, чем может быть нарисованное краской. Верцингеториг со своими галлами. Один.

Но я буду помнить тебя.

Тогда они принесли клятву на обнаженных кинжалах и двинулись вверх, братья по оружию пятнадцати лет от роду. Оскальзываясь на мерзлой земле, Дими гадал, придет смерть сразу или медленно и холодная она или горячая.

На деревянной двери пожарного хода не было ручки, однако лезвие ножа легко подняло задвижку, и удачный ветер немного ее приоткрыл.

– Теперь быстро, – шепнул Дими, и они побежали к спальне Лукиана.

Рослый Ален Реми распахнул дверь, и Дими с Робером ворвались в комнату.

Там было множество египетских безделушек, книг, свитков на деревянных полках; в воздухе висел густой аромат курений. Лукиана там не было.

Снаружи раздался голос:

– Наверху! Все наверх!

Кричал не кто-то из его друзей, и Дими понял: их предали. Никто сегодня не будет выкликать: «Дуку в наместники!»

Если только, очень ясно думал он на бегу, он не заставит Лукиана произнести эти слова.

На верхних ступенях лестницы стражник с выставленным вперед копьем загораживал путь Леону и Шарлю. Однако при появлении Дими стражник обернулся, и маленький Мишель Реми нырнул под копьё, ударил стражника по стопе рукоятью кинжала и пырнул острием в ляжку. Стражник заорал, рухнул спиной и покатился вниз по винтовой лестнице.

Мишель устался на свою руку в чужой крови, затем показал ее остальным, и всем пришлось глядеть. Тут в голове у Дими немного прояснилось.

– Вперед! Вперед! – крикнул он.

Стражник лежал у основания лестницы, вывернув шею назад. Рот и глаза у него были широко открыты. Мальчики глядели на него. На него же глядели воины с другой стороны коридора.

– Это все меняет, – сказал воинам десятский. – Не церемониться с ними!

Слева были две двери, обе вели в библиотеку, обе были открыты. Дими сделал знак, и мальчики разом побежали к ближайшей. Долгоногий Робер и Жан-Люк успели проскочить; других остановили выставленные копья стражников.

– Второй ряд, кругом! – крикнул десятский. – Они заходят сзади.

Робер и Жан выскочили из дальней двери. «Бегите прочь!» – крикнул Дими, но они подбежали с другой стороны и, пока три стражника пытались развернуться с копьями, успели зайти им за спину и перерезать двоим горло. На золотом и алом кровь казалась невероятно красной.

Остальные товарищи Дими, пользуясь временным преимуществом, рванули вперед. Мишель Реми поскользнулся в крови. Стражник ткнул его копьём, наконечник прошел по кожаному дублету. Стражник отвел копьё и ударил с размаху. Наконечник вонзился Мишелю под ребра и вышел сзади, перекрестье с орлом осталось прижатым к груди. Мишель упал, даже не вскрикнув.

А вот Ален закричал и, ухватив копьё, убившее его брата, выдернул древко из рук стражника. Ален был на полголовы выше воина и одним взмахом кинжала рассек ему шею, чуть не снес голову напрочь.

В такой тесноте несподручно орудовать копьём. Если бы воины обнажили мечи, то еще могли бы выиграть бой, но они замешкались. Шарль уложил одного, другому Робер отсек правую руку, но когда тот падал, его копьё пропороло Леону бедро. Еще один стражник выхватил кинжал и ударил Жан-Люка в грудь; клинок застрял между ребрами, и, когда воин попытался вырвать кинжал, Жан-Люк рухнул на него. Мгновение слышались проклятия и крики, потом оба замолкли. Дими прижал десятского к стене и трижды полоснул кинжалом по горлу, осознав на третьем ударе, что учился у него стрельбе из лука и что это не имеет никакого значения.

У Леона была почти отрезана нога, Жан-Люк и Мишель лежали мертвые. Ален стоял над братом, охраняя тело, с кинжалом в одной руке и мечом стражника в другой.

– Мы пойдем дальше, – сказал ему Дими. – Ты прикрывай наш тыл.

Ален молча кивнул. Глаза его смотрели в одну точку, как у слепого.

– Библиотека пуста, – сказал Робер. – Теперь мы знаем, где он.

Он быстро прошел в конец коридора, где тот сворачивал в западную галерею. Тут его глаза расширились, рука с кинжалом взметнулась так быстро, что за ней было не уследить. В галерее раздался глухой звук и крик, затем звук повторился. Робер повернулся к Дими и Шарлю.

Из его груди торчала арбалетная стрела, и он правой рукой сжимал ее древко. В следующий миг он упал.

Наступила тишина.

Шарль и Дими переглянулись. Шарль сказал: «Нам туда». Дими кивнул, отодвинул Шарля мечом, который забрал у десятника, и шагнул за угол. Шарль тут же встал с ним рядом.

Посреди галереи у занавеса, за которым скрывался выход на потайную лестницу, высилась темная фигура Тертуллиана. На нем был черный кожаный доспех с пластинами белой стали. В руках он твердо и ровно держал взведенный арбалет. Второй арбалетчик распростерся рядом на полу. Дими уже знал, что так лежат убитые, хотя не видел, куда попал брошенный Робером клинок.

– Должен ли я вас убить, молодые люди? – спросил Тертуллиан, и сталь в его голосе была холодна, как сталь его доспеха.

– Ты можешь застрелить лишь одного, – сказал Шарль, – и пусть это буду я.

Он сделал шаг вперед.

– Я убью обоих. Одного застрелю, другого зарублю. Или задушу голыми руками.

Шарль сделал еще шаг, Димитрий – два, чтобы его нагнать. Тертуллиан даже глазом не повел.

Димитрий глянул на занавес, на сводчатый потолок, потом вновь на Тертуллиана.

– Знаю, что не могу тебя убить, – проговорил он на греческом образованного сословия, которого Шарль не понимал. – Но я прошу тебя меня пропустить. Ради льва.

На миг все застыло. Потом Тертуллиан направил арбалет в пол, повернулся и ушел, даже не пожав плечами.

Дими отдернул занавес, ножом отыскал трещину в стене и поднял задвижку. Панель бесшумно отворилась. Дими сделал знак глазами. Шарль кивнул, и они поднялись по лестнице через темноту и затхлый холодный воздух.

Задвижка верхней двери открылась с еле слышным щелчком; панель повернулась.

Лукиан стоял меньше чем в десяти шагах от них по другую сторону заваленного стола; он смотрел в окно на раскинувшуюся внизу Алезию. Теплый воздух из отдушины в полу колыхал его белое одеяние.

Лысая голова повернулась, острый нос наморщился. Лукиан держал на уровне груди двустольный пистоль. С поразительной скоростью он прицелился и нажал на крючок. Из дула вырвалось пламя.

Голова Шарля раскололась, словно упавшая на мостовую дыня, забрызгав стену у него за спиной.

Димитрий прыгнул; в тот миг, когда его ноги оторвались от пола, он очень явственно видел, как Лукиан вновь прицелился. Второй курок упал с тихим металлическим щелчком. Искры не было. Пистоль не выстрелил.

Дими перескочил через стол, разбрасывая бумаги и чернильницы, и схватил египтянина за грудки. Затылок Лукиана ударился об окно, стекло треснуло; Лукиан застонал в падении и

вновь застонал, когда Дими навалился на него сверху. Дими ударил его коленом в пах, потом ругнулся и приставил кинжал к Лукианову горлу.

Лента, державшая очки Лукиана, лопнула, и линзы лежали у него на щеках; карие глаза соскочились к носу и моргали.

– Димитрий, ты делаешь мне больно.

Дими чуть не отодвинул нож, но тут же прижал его сильнее, пока под острием не выступила полоска крови.

– Ты... ты убил моего отца?

Лукиан заморгал.

– Истребить род – не такое простое дело, – педантично сообщил он. – После резни остаются выжившие, хуже того, резня порождает слухи о выживших. Изгнание воспитывает узурпаторов. Подкуп действует не всегда – твоего отца было бы не подкупить даже и трон.

– Тогда зачем ты его убил?! – Дими было все равно, сбегутся ли воины на его голос. Ему осталось перерезать лишь одно горло. – Он... он любит твою Империю.

– Он подчинялся Империи, но не любил ее, как не любишь и ты. Однако люди тебя любят. Это общая опасная черта Дук. Потому и был отдан приказ уничтожить род.

– Кто отдал приказ? – Теперь получалось, что Дими должен сбежать, отправиться в далекие края и убить кого-то еще. И он это сделает, даже если потребуются вечность.

– Конкретный эксперимент начался в царствование Иоанна Четвертого Ласкариса.

Это было два века назад.

– Не понимаю! О чем ты? Кто... убил... моего... отца?!

– В некотором смысле, Димитрий, его убил ты.

Дими до боли стиснул зубы.

Лукиан продолжал:

– ...или я. Или профессиональный отравитель из Италии. Юлий Цезарь. Солнце Галлии. Слабый кровеносный сосуд. Филипп Дука. Политологи из Александрийского университета, дабы подтвердить теорию группового поведения. Что-либо одно из этого. Все вместе.

Он шумно втянул воздух.

– А меня сгубила неспособность оценить мальчишеское рвение, и тот Дука, про которого я знал, что он самый опасный, потому что самый любимый. И ненадежный пистоль... Димитрий, ты меня когда-нибудь любил хоть немного?

Дими молчал. Теплый воздух поднимался из отдушины гипокауста²⁰ с тихим звуком, словно от легкого ветерка.

– Я не хочу подвергаться пыткам, Димитрий. Я видел, как это бывает. И тебе лучше тоже этого избежать. Когда покончишь со мной, перережь себе вены на руках. Не поперек, а по длине. В доброй римской традиции.

Димитрий отодвинулся и поставил колено на грудь Лукиана. Тот не делал попыток вырваться. Дими глянул на лезвие кинжала, на острие, на рукоять.

Лукиан произнес спокойно:

– Тебе это удовольствия не доставит. Я слишком быстро теряю сознание.

Дими провел два быстрых косых надреза в сгибе лукиановых локтей. Египтянин кивнул, потом глаза у него закатились, голова повернулась набок. Кровь у него была жидкая, но такая же красная, как у всех.

Дими прошел через комнату туда, где лежал у открытой панели Шарль.

Они были в одинаковой одежде. Оба черноволосые. Лицо Шарля превратилось в кровавое месиво.

²⁰ Гипокауст – античная система отопления, при которой под полом располагалось пустое пространство, куда попадало тепло из печи и нагревало напольные плиты, а через отдушины распределялось по всему помещению.

Димитрий стянул с пальцев перстни, бросил кинжал. Нашупал холодный и тяжелый медальон с вороном и снял шнурок через голову.

Это будет первое, на что глянет мать, если она еще жива, а если и нет, то медальон узнает Тертуллиан.

«Да, Тертуллиан, – подумал Дими. – Перс узнает ворона. Даже если Тертуллиан считает меня предателем, он не откажет брату в погребении».

Медленно, аккуратно, слушая, не приближаются ли стражи, Дими встал на колени и отдал Шарлю последнее, что у него оставалось – свое место на небесах.

Покончив с этим, он подошел к окну. Внизу мерцали огни Алезии, слияние рек серебрилось под луной. Очевидно, жители города не поднялись с оружием в руках.

«Значит, василиски спят и не увидят уходящего государя», – подумал он. Распахнул узкое окно, приглушив скрип занавеской, выпрыгнул наружу и затворил раму. Затем двинулся вниз по склону, к городу.

Он знал, где найти лошадь, которой не хватятся до утра. И знал человека в Труа, который нанимает солдат для войны в чужих странах, не задавая лишних вопросов.

Кроме этого он не знал ничего, только, что ему очень холодно.

Глава 3

Флоренция

Цинтия Риччи была не очень пьяна, но, вероятно, пьянее, чем позволительно врачу в присутствии больного. Особенно если больной – самый могущественный властитель в Италии, а врач и ее отец-врач советуют ему воздерживаться от красного вина.

Впрочем, Лоренцо де Медичи, *il Magnifico*²¹, глава банка Медичи и неофициальный правитель Флорентийской республики, уже вряд ли мог заметить, что кто-нибудь пьян. Как и все остальные на вилле Кареджи. Ибо сегодня был последний день лета; завтра мессер Лоренцо и все спутники на его орбите вернутся во флорентийский дворец Медичи. А там придется чуть-чуть больше заниматься делами между пением, танцами, поэзией, философией и вином. Чуть-чуть.

Пол был вымощен белыми и черными плитами в шахматном порядке – Лоренцо любил шахматы. Стены украшали ребристые полуколонны и фриз с музами и сатирами под сводчатым потолком. Бесчисленные свечи – на столе, в стенных канделябрах, в хрустальных люстрах – превращали полночь в ясный день. Двери были распахнуты в ботанический сад Лоренцо – осенние цветы распускались, летние увядали, их запахи сливались в изумительный аромат.

Ночной воздух был необычно свеж, и гости надели самые теплые парчовые и бархатные одеяния – к молчаливой досаде слуг, которым предстояло заново упаковывать все это к отъезду.

Мессер Лоренцо, впрочем, знал, как исправить досадную неприятность. На вертел насадили еще одного барашка, выкатили еще несколько бочонков, и вскоре гостям стало все равно, в сундуках их одежда или на полу (или на каком именно мягком месте, сказал Луиджи Пульчи в импровизированном стихе).

Мессер Пульчи сегодня сиял золотом: бархатный медового цвета дублет, желтые чулки, золоченое кружево на рубаше, золотое ожерелье с топазами. Рядом с ним сидела Лукреция де Медичи, вдовья мать Лоренцо, в багровом и коричневом с огненными опалами в золотистых волосах, и делала вид, будто скандализирована поэмой, которую декламировал Пульчи, в то время как сама следила за текстом по книге у нее на коленях. Первые экземпляры нового творения Пульчи, отпечатанного во Флоренции, доставил в Кареджи нарочный; чрезвычайно дорогая пересылка для книжицы, которая продавалась по всей Флоренции за несколько сольдо. Лоренцо презентовал книги сочинителю с большой торжественностью, напомнив, что *condotta*²² на издание гарантирует пятнадцать авторских экземпляров и что ни один Медичи никогда не забывал про малейший пункт договора.

Джулиано, брат Лоренцо, сидел с Гвидобальдо да Монтефельтро; они обсуждали турниры, любовниц и огнестрельное оружие, в произвольной последовательности перескакивая с одного на другое. Джулиано был в шахматном лазурно-алом дублете с золотым английским львом на красном фоне слева, где сердце. Дублет подарил ему английский король Эдуард IV, занявший престол силой оружия и денег из банка Медичи.

Отец Гвидобальдо, Федерико, герцог Урбинский, был одним из лучших итальянских кондотьеров наряду с Франческо Сфорцой и невероятным англичанином Джоном Хоквудом. (Разумеется, невежливо было бы привести это сравнение при младшем Монтефельтро; точно так же Джулиано не надевал дублет с геральдической французской лазурью, если Медичи принимали у себя вечного изгнанника, короля Франции Людовика.) На Гвидобальдо был шелко-

²¹ Великолепный (ит.).

²² (здесь) Контракт (ит.).

вый дублет, крашенный в технике *alessandro* – синий с металлическим отливом, усаженный серебряными бляшками, придающими ему поразительное сходство с ламеллярным доспехом.

Кто-то тронул Цинтию за плечо. Рядом с ней, держа кувшин с вином, стоял Марсилио Фичино. Фичино был в длинном белом одеянии; он переводил Платона на латынь для деда Лоренцо и на тосканский для самого Лоренцо, поэтому любил одеваться (по собственным словам) «немного как мессер Платон, немного как жрец» – жрецом он, правда, недолгое время был, – «но в достаточной мере по-флорентийски, чтобы спокойно ходить по улице». Росту он был едва пять футов, очень худой, с большим крючковатым носом; его глаза всегда сверкали весельем, но смотрели отрешенно, иногда очень отрешенно, поскольку Фичино посещали видения Платона, и Граций, и еще более странных существ, и он был убежден, что его душа по временам покидает тело.

Он налил вина сперва Цинтии, затем себе. Пальцы у него были длинные и очень изящные. «Ваше здоровье», – произнес он. Они чокнулись кубками и выпили.

Глаза у Фичино расширились, и он ухватился за кончик носа, который окунулся в вино и теперь с него стекали алые капли. Потом похлопал себя по макушке, выставил руку, будто измерял расстояние от пола, и встревоженно произнес:

– Это не может быть мой нос, *дотторина* Риччи. Это нос куда более крупного человека. – Он взял ее за руку. – Скажите мне, доктор, может ли человек родиться с чужим носом?

Цинтия попыталась сформулировать серьезный ответ, но изо рта у нее вырвался лишь смех, и даже не смех взрослой женщины, а девичье хихиканье. Она взяла кубок обеими руками, глядя, как пляшет в жидкости пламя свечей; смех рвался из нее, словно пузырьки, которые должны всплыть или лопнуть.

Фичино принял трагическую позу.

– Возможно, это знак незаконного рождения, – сказал он и тронул свой нос, действительно очень большой. – Хотя такой ли уж явный знак? Быть может, матушка изменила отцу всего лишь раз или два.

Цинтия чувствовала, что если не захихикает, то умрет. Она отвернулась, ища защиты у хозяина.

Лоренцо де Медичи был в червленой мантии, в разрезах рукавов проглядывал белоснежный шелк. На груди была вышита плоская версия *palle* – шести красных шаров, составляющих герб Медичи. Он сидел, упершись ногой в край столешницы, и держал на коленях серебряную лиру.

Лоренцо был нехорош собой – широкое лицо, свернутый набок нос (хоть и не такой крючковатый, как у Фичино), жесткие и прямые черные волосы. Однако в нем чувствовалась сила; он был словно высечен из тосканского камня, а когда говорил, его голос казался рокотом гор.

Или когда пел, как сейчас. Лоренцо подбирал слова для новой карнавальной песни... о планетах на их орбитах вокруг Солнца... По крайней мере, так предполагалось: о ядрах, согретых срединным огнем, о телескопах, нацеленных во тьму, о белом токе зодиакального света. Все карнавальные песни Лоренцо были такие: дерево с привитыми ветвями, льющийся в форму сплав, изысканные шутки с очаровательной претензией на невинность.

А затем он клал на ту же музыку другие слова, о своей жене Клариче, или о серебрищихся в утреннем свете оливах, или о своих сыновьях Пьеро и Джованни, или о последней картине Сандро Боттичелли – и похоть обращалась любовью, а смысл уже не двоился, а множился, как множественна человеческая душа.

Цинтия любила его.

Лоренцо коснулся лиры, на струнах задрожал отраженный свет. Он глядел на Цинтию, склонив голову набок. «Тьфу, холера», – подумала она, гадая, насколько ужасно выглядит.

Цинтия была в зеленом бархатном платье; в скромных разрезах рукавов проглядывала крашенная шафраном шелковая подкладка. Зеленая шапочка и золотая сетка для волос почти болезненно стягивали голову. В свои двадцать два Цинтия была седа как снег – странность, которая привлекала одних и отталкивала других. Вырез, хоть и довольно глубокий, не открывал грудь, на шее висел подарок Лоренцо – тонкое ожерелье из золота и жемчугов с золотой подвеской в виде цветка крокуса.

Подвеска была не цельнозолотая, но знали об этом лишь Цинтия и Лоренцо.

Он глянул на нее и на подвеску:

– Пока ночь не растаяла, *дотторина*... я должен сделать вам предложение.

Несколько стремительных мыслей пронесли у Цинтии в голове. Все остальные продолжали свои разговоры, так что услышать мог лишь Марсилио Фичино, однако Фичино был архиплатоником во всем.

Лоренцо открыл рот. Пробили часы. Лоренцо закрыл рот, сморгнул, вновь собрался заговорить, но тут раздался следующий удар часов. С внезапной усмешкой Лоренцо коснулся струн, запрокинул голову и пропел: «Три». Затем сжал руку и продекламировал: «Четыре».

На шестом ударе Цинтия уже хихикала неудержимо, а к двенадцатому все смеялись и хором повторяли за Лоренцо.

– В сад! – воскликнул Лоренцо, когда затих последний удар. Он вскочил. – Скорее! Все за мной!

Смеясь и пошатываясь, гости поднялись из-за стола и вышли в арки.

Полная луна заливала сад; сосны, пальмы и кипарисы серебрились на фоне неба и полетному больших звезд. Сад был разбит с безжалостной аристотелевой точностью: радиальные дорожки, выложенные каменным узором, куртины, клумбы. В центре высилась колоннада белого мрамора с мраморными же скамьями вокруг бронзового фонтана – Венеры, встающей из эгейских вод. Фичино создал образ, Донателло отлил его в металле, а Боттичелли перетолковал красками, добавив свои всегдашние слои символов и аллегорий.

Поэт Артуро Полициано и Алессандра Скала, художница и режиссер флорентийского Гранд-театра, сидели на скамье и оживленно беседовали.

– Орфей спускается в ад, – сказал Полициано. – *Спускается*. У всех поэтов так.

Скала ответила:

– Мы можем прорубить в сцене люк, и пусть актер играет не на виду у зрителей?

– Идти по сцене не значит спуститься!

– Либо можем поставить лестницу... ой, погодите. Вы не говорили в последнее время с Леонардо?

– С архимедовцем? Последний раз мы встречались зимой.

– Он принес мне эскизы машины – даже нескольких машин, – чтобы перемещать актеров и декорации. Чтобы боги летали и все такое. Допустим, когда Орфей идет, ад поднимается на колесах, придуманных Леонардо...

Полициано был в лиловом, Скала – в абсолютно черном бархате с сотнями крошечных серебряных пуговиц.

– Бог ночи и богиня неба, – театральным шепотом проговорил Фичино у Цинтии за спиной.

Она услышала шарканье, быстро обернулась и подала ему руку; с легкой улыбкой и кивком хромоногий философ принял ее помощь.

Все начали рассаживаться. Лоренцо настоял, чтобы гости заняли скамьи только с одной стороны. Цинтия думала, что начнется некий спектакль, сочиненный Лоренцо и поставленный Алессандрой. Летом здесь репетировали другую пьесу Лоренцо, «Жизнь Юлиана», которая затем с успехом прошла в городе, а также, в переводе, в далеких Лондоне и Византии. Впрочем,

у тех труп не было Лоренцо на роль мудрого императора, а никого другого Цинтия в ней представить не могла.

Прокатился раскат грома – без молнии, в чистом небе. Затем в небеса с шипением и треском вонзилась бело-желтая огненная линия; она рассыпалась фонтаном искр и дыма, белого в лунном свете.

– Это из Китая, – сказал Лоренцо. – Огонь как род искусства.

И еще взрывы, линии, огненные россыпи, дивные цветы в небе.

– Луна приревнует, – сказал Луиджи Пульчи и тут же экспромтом выдал скабрёзный стишок о плодах лунной ревности.

– О чем вы думаете, *bella Luna*?²³ – произнес голос над ухом Цинтии.

Она обернулась и увидела Лоренцо. Он сидел рядом с ней, подтянув одно колено и сплетя пальцы на щиколотке. Лицо его было в тени и лишь изредка озарялось искрами, но и тогда глубоко посаженные глаза оставались в темноте.

Лоренцо шел двадцать восьмой год. Он обладал несметным богатством и благодаря Витторио и Цинтии Риччи не страдал от подагры, убившей его отца. Он был правителем Флоренции во всем, кроме титула. Лоренцо было довольно того, что он Лоренцо. Платье на Цинтии было слишком тесное, слишком жаркое; она не могла дышать.

– Я хотел бы отправить вас в Пизу, – сказал Лоренцо.

Цинтия думала о многом. Но не об этом.

– Пьер Леоне решил на время оставить преподавание. Поехать в Германию и в Александрию, узнать новые виды хирургии, пока его пальцы еще проворны, и, как я полагаю, написать еще книгу. Кафедра остается свободной. Не желаете ли ее получить?

– Я... я думаю, мой отец больше достоин этого места.

– Витторио в городе, а вы здесь. Но, конечно, решать вам. – Он еле заметно пожал плечами и обернулся на полутемный сад. – Скоро расцветут крокусы. Трудно ли вам добыть требуемое количество?

– Нет. Мы... осмотрительны, разумеется.

– Разумеется.

Она видела очертания его улыбки и гадала, не упустила ли второй смысл. Во вспыхивающем свете Лоренцо глянул на свои большие грубые руки, сплел пальцы. В небе затрещала цепочка взрывов.

Он снова посмотрел на золотое ожерелье у нее на шее. Хотя он по-прежнему улыбался, Цинтия теперь видела, что улыбка вовсе не веселая. Лоренцо расцепил руки, и она подумала, не коснется ли он подвески, однако он только встал, сказал: «*Buona notte, Dottorina Luna*²⁴» и отошел под вспыхнувшим в небе багряным заревом.

Цинтия приложила пальцы к горлу. Осенние крокусы. Так называют безвременник, или колхиум. Дважды в день Лоренцо де Медичи принимает мерную ложку бренди с экстрактом безвременника, который прописали ему Риччи, и подагра его не беспокоит. Вот так просто. Есть лишь два затруднения...

Ни отец, ни мать Лоренцо не могли принимать это лекарство; у них начиналась рвота и мучительный понос. К счастью, у Лукреции недуг был слабый, и она соблюдала предписанную диету.

К несчастью, у Пьеро де Медичи недуг был сильный. Поэтому Витторио Риччи изгнал со стола красное вино и требуху. Он обращался к мудреным книгам и чужеземным врачам и заламывал руки.

²³ Прекрасная Луна (*ит.*).

²⁴ Доброй ночи, докторина Луна (*ит.*).

А его дочь собирала мочу и кровь, в которые Витторио всматривался, будто безумный гадатель, и записывал все возможные варианты рецепта, а потом брал образцы рвоты и жидкого кала – и ставил припарки, и обертывал воспаленные, багровые суставы больного, день за днем, месяц за месяцем, пока в год, когда Цинтии исполнилось четырнадцать, Пьеро не умер и Цинтия не поседела окончательно.

Лоренцо стал правителем в двадцать один. Настойка не вызывала у него никаких побочных эффектов, так что первое затруднение разрешилось и появилось второе. Настойка безвременника, как знает всякий опытный отравитель, убивает в поразительно малых дозах. Черта между лекарством и ядом тоньше заточенного ножа.

Отсюда и осмотрительность. Потому-то Риччи сами готовили лекарство, не обращаясь к гильдии аптекарей, и, проверяя каждую новую партию, убивали двух собак и двух поросят. Давая яд правителю, даже с его согласия, надо быть очень осторожным.

Небесное зрелище закончилось. Алессандра Скала говорила о том, чтобы показать колесницу Феба с огненными колесами. Полициано хотел изобразить на сцене пожар Рима. Лукреция де Медичи посоветовала огнедышащих змеев, а Пульчи со всегдашней кощунственной непочтительностью предложил разыграть войну богов – в небе, с извергающими пламя орудиями.

Тогда синкретист Фичино, который сидел, ссутулясь, подле стоящего Лоренцо, объединил все предложения с новой песней Лоренцо: боги на огненных колесницах носятся между мирами, сражаясь с мятежными богами, город (планета?) гибнет в пожаре, невообразимые чудища наводят на героев страх и вступают с ними в дружбу.

– Пьесе нужно название, – сказала синьорина Скала.

Пульчи уже открыл рот, но Фичино скалambuрил быстрее.

– Она должна быть посвящена Изиде и Марсу, – сказал он. – Назовем ее *Stella Martis*²⁵.

Слуга принес лиру Лоренцо и еще одну для Фичино, флейту для Полициано и тамбурин для Лукреции.

– Споете, Луна? – спросил Великолепный.

– Я лишь раз слышала слова...

– Импровизируйте, – сказал Фичино, весело сверкая глазами. – Что наша жизнь, если не импровизация под музыку?

И Цинтия запела. Слова рвались наружу как смех, лопались пузырьками на кончике языка, пока небо на востоке не начало светлеть. Цинтия на миг задумалась, сумеют ли лошади сами найти дорогу, чтобы довезти их домой, и поняла, что ее это не заботит.

Ноги Цинтии знали дорогу от дома Риччи до Палаццо Медичи, а если бы и не знали, ее бы это не заботило; на мосту через Арно ее не волновало, что они могут шагнуть за парапет и она утонет.

Витторио Риччи шел, опустив плечи, на несколько шагов впереди дочери. Он был в черном плаще, под стать настроению. Цинтия подняла голову; сентябрьское небо хмурилось. Город был слишком тихим, река слишком гладкой, весь треклятый мир занемел.

Во дворец Медичи их впустили сразу. Там тоже все было нехорошо. Цинтия слышала перешептывание слуг у себя за спиной, чувствовала затылком их взгляды. Она гадала, что будет, если выглянуть наружу: по-прежнему ли колонны стоят прямо и камни плотно прилегают один к другому и не плачет ли статуя Марка Аврелия бронзовыми слезами. Нет, император-философ был стойким; он не заплакал бы, даже умри вся красота мира.

Лоренцо де Медичи лежал на диване, головой и ногами на пуховых подушках. Он был в просторном шелковом одеянии и до пояса прикрыт шелковой простыней. Он разговаривал с

²⁵ «Звезда Марса» (т. е. Марс) и одновременно «Звезда войны» (лат.).

братом Джулиано и Франческо Сассетти, главным управляющим банка Медичи. Цинтия еще с порога слышала, как напряженно говорит Лоренцо.

– Хотел бы я знать, зачем моему доброму другу герцогу Сфорце потребовалось так много золота и так быстро. Только боюсь, я знаю. Сколько герцог уже должен?

– Согласно мессеру Портинари, около пятисот тысяч миланских лир... сто двадцать тысяч флоринов, Великолепный.

Цинтия чуть не ахнула. Риччи были не бедны, но весь их дом и мебель не стоили и десятой доли от этой суммы.

– Вообще-то, – сказал Лоренцо, – я не понимаю, как относиться к последним поступкам Галеаццо Марии Сфорцы – с тех пор, как те молодые идеалисты пытались его убить... А. *Дотторе* Риччи. *Дотторина* Риччи. Прошу входить.

Врачи вошли, Сассетти откланялся, чтобы уйти.

– Франческо.

– Великолепный?

– Напишите Портинари. Спросите, какие будут последствия ликвидации нашего миланского филиала?

– Великолепный, последствия будут...

– Сокрушительные. Знаю. Однако напишите Портинари, чтобы он просчитал цифры. Заверьте его, что при любом исходе он останется в нашем банке.

– А если герцог Сфорца услышит об этом предложении?

– Франческо, – очень торопливо проговорил Лоренцо, – если ушлый братец герцога не помер в одночасье, могу твердо сказать, что герцог услышит. И если я знаю Лодовико Сфорца, герцог прочтет ваше письмо раньше Портинари. А уж как Галеаццо Мария к этому отнесется... Что ж. Он знает, что однажды я затеял войну из-за квасцов, которые гораздо дешевле золота.

Сассетти кивнул и вышел, упрятав руки в длинные широкие рукава.

Лоренцо чуть сдвинул ноги, скривился.

– Итак, Джулиано, слишком поздно я понял, отчего дед никогда не ссужал деньгами правителей. Сфорца, потом король Эдуард и бедный Людовик, а теперь и младший Сфорца... Мы с отцом оба глупцы. Придворные глупцы.

Джулиано сказал:

– Управление деньгами – искусство и в то же время наука.

– Но не такая, какую Фичино может вычитать у Платона... Извините меня, Витторио, Цинтия. Подойдите, гляньте.

Джулиано посторонился. Витторио Риччи поднял простыню. У Цинтии мороз побежал по коже, и она чувствовала, что Джулиано тоже похолодел. Младшему брату было шестнадцать, когда умер Пьеро Подагрик. Он видел. Он знал.

Витторио сказал спокойно:

– Вы не пропускали прием лекарства? Или, быть может, вы пили выдохшуюся настойку из старой партии? Или злоупотребили нездоровой едой?

– Нет, нет и нет. Проклятье, Витторио, я принимаю свою ложку лекарства, как пай-мальчик, с семнадцати лет. Сегодня утром я думал выпить две ложки, но...

Он закрыл глаза. Витторио ощупывал его колено.

– Хорошо, что не стали, – сказал Витторио. – Это было бы очень опасно.

«Да, – подумала Цинтия, – очень опасно для семьи Риччи».

– И тем не менее придется к этому прибегнуть. Небольшое увеличение дозы, пока... были ли у вас какие-нибудь нежелательные симптомы?

Лоренцо некоторое время молчал.

– Когда я ударился боком, на турнире – помнишь, Джулиано? – меня замутило. И я знаю, что меня тошнило, потому что моя рвота попала на шлем Бартоломео Ланци. Припоминаешь?

- Помню, брат. – Джулиано глянул на Цинтию, и его красивое лицо исказилось страхом.
- Не бойся, брат, у меня же нет лихорадки. Ведь нет же, Луна?
- Нет, – ответила Цинтия. – Тошнить может от боли.
- Итак, вас тошнило, – сказал Витторио. – А ваш стул?

Он говорил так спокойно, так бесстрастно. Цинтии хотелось его ударить. Ей хотелось завопить. Хотя если это будет продолжаться дольше, ей придется заголосить.

Витторио продолжал осмотр. Цинтия ждала, что Лоренцо задаст вопрос, который, она знала, он должен задать, но он молчал. Вопрос задал Джулиано, отведя ее в соседнюю комнату:

- Может лекарство действовать на него... как на отца? После стольких лет?

– Не знаю, – ответила она. – Может, просто... – И тут же плотно сомкнула губы. Она согласилась быть соучастницей, но не обещала усугублять преступление ложью, которая дается так легко. Даже молчание без всяких усилий становилось предательством.

Джулиано поглядел в пол и провел руками по и без того взъерошенным волосам. Он походил на смущенного молодого бога с доски Боттичелли. Ему требовалось лишь немного утешения, которого она ему дать не могла.

Они вернулись в комнату. Витторио Риччи упаковывал в черную сумку склянки с мочой и калом.

– Уничтожьте запас лекарства, – говорил он. – Я приготовлю новую настойку и принесу ее завтра. – Он закрыл сумку. – Идем, Цинтия.

- Вы не задержитесь, Цинтия? – спросил Лоренцо.

Витторио поднес руку к лицу, погладил щеки, прогоняя всякое выражение чувств.

- Если вы спешите...

- Я останусь, – сказала она. – Идите, отец.

Старший Риччи взял сумку, неловко поклонился и вышел.

Цинтия глянула на Лоренцо и решила не говорить ему лжи, даже если тот потребует сознаться в покушении на убийство.

– Подумали ли вы о Пизе? – спросил он, и она успела задуматься обо всех возможных смыслах, прежде чем сообразила, что Лоренцо имел в виду лишь то, что сказал.

- Я... я не могу сейчас уехать.

Это было правдой.

– Что ж, я, наверное, рад. Особенно если кто-то должен ежедневно делать мне ванночки для ног... ой, улыбнитесь, Луна. Пожалуйста, улыбнитесь.

Она улыбнулась. И это была ложь.

- Сколько вам... двадцать два?

- Да, Великолепный.

– Этот титул никогда не звучал глупее... Флоренцию ждут тяжелые времена, Цинтия. На севере осталось лишь три государства, неподвластные Византии, а теперь Милан хочет затеять с нами войну. Я слышу, как в Риме имперская марионетка делла Ровере хохочет до колик.

Он свел пальцы. В кулак они не сжимались.

– Луна. Поезжайте в Пизу. Выходите замуж за нищего умника или за болвана-богача с кучей любовниц. Я бы сказал вам выйти за Джулиана, и он бы на вас женился, да только что проку – вам нужно вырваться из этого круга, пока не случилось чего-нибудь ужасного. Поезжайте в Германию, практикуйте свое искусство. Или в Англию. У Эдуарда в стране мир, купленный на наши деньги.

Она не могла ни двинуться, ни думать.

Лоренцо вздохнул. Он попытался снять кольцо с правой руку, но оно не проходило через сустав.

- А, проклятье. Помогите мне дойти до шкафа, хорошо?

Джулиано и Цинтия взяли Лоренцо под мышки и помогли ему дойти до темного деревянного шкафа у стены. Лоренцо приложил большой палец к своему кольцу, оттуда высунулся толстый металлический шип. Он вставил ключ в незаметную скважину на резном дереве и повернул. Открылась дверь.

Внутри была небольшая, закрытая пробкой склянка с янтарной жидкостью и серебряная ложка. Лоренцо взял склянку и протянул Цинтии. Та попыталась сдержать дрожь в руках.

– Мессер Лоренцо!

Склянка упала и разлетелась вдребезги.

В комнату вбежал паж, упал на колени и проехался по плитам.

– Мессер Лоренцо... карета из Милана... мессер Рейнардо. И с ним кто-то в капюшоне.

Плечи Лоренцо напряглись.

– Очень хорошо. *Дотторина* Риччи, я полагаю, мы исполнили указание вашего отца. А теперь извините меня. Джулиано, проводи Цинтию, затем приходи ко мне в тихую комнату.

Паж сказал:

– Великолепный, мессер Рейнардо просил позвать врача. Хирурга.

Лоренцо сказал:

– В таком случае, Цинтия, сообразовались ли вы...

– Конечно, Великолепный.

Лоренцо обратился к врачу:

– Пусть Рейнар и его гость войдут под розами²⁶. И позови кого-нибудь, чтобы это замели.

Джулиано скинул кожаные паттены, опустился на колени и вставил в них босые ноги брата, затем вместе с Цинтией почти что перенес его через битое стекло к дивану.

– Мне надо одеться, – сказал Лоренцо внезапно обессиленным голосом. – И... ты знаешь.

– Кресло? – спросил Джулиано.

– Да. Отцовское.

Джулиано и паж вышли. Цинтия достала из сумки льняной бинт и принялась обматывать распухшие ноги Лоренцо.

– Надеюсь, Цинтия, я не втягиваю вас... во что-нибудь неприятное.

Цинтия сдержалась. Это постепенно становилось все легче.

– Кто такой мессер Рейнардо?

– Француз. Зовет себя Рейнаром. Настоящего его имени я не знаю. Подарок Людовика – единственное, что я за свои деньги получил от этого старого паука.

– Но... чем он занимается?

– Неужели не догадались, *дотторина*? Шпионит для меня за моим добрым другом герцогом Миланским.

Тихой комнатой называлось особое помещение в подвалах Палаццо Медичи: с двойными стенами, не пропускающими звуков, и тяжелой дверью, которая автоматически запиралась, когда ее захлопнут. Стены были голые каменные, мебель отсутствовала. Только железный кандалейбр, да толстые железные кольца в полу, стенах и потолке, наводящие на жуткие мысли.

Лоренцо де Медичи сидел в мягком кресле на колесах, сделанном для его отца Пьеро. Джулиано стоял за креслом, положив руки на рукояти. Цинтия в плаще с опущенным на лицо капюшоном расположилась чуть дальше слева.

Посреди комнаты стояли двое. Более высокий – Рейнар, в насквозь пропыленной кожаной куртке поверх таких же пыльных дублета и чулок и при шпаге с простой рукоятью, – загадочно улыбался. Лицо у него было на удивление невыразительное.

²⁶ Латинское выражение *sub rosa* (букв. «под розой») означает «тайно».

Второй был в плаще с капюшоном. Когда дверь захлопнулась, Рейнар снял с него плащ и стало видно, что это мальчик – черноволосый, сутулый, кривоногий. Он был очень бледен и отрешенно смотрел в пол.

– Дурачок? – спросил Лоренцо.

– Ничего подобного, – ответил Рейнар. В его речи не было французского акцента, вообще никакого не было. – Он мог читать Платона по-гречески. То, что вы видите, побочный эффект чар. У меня не было времени и сил придумывать что-нибудь более мягкое. – Рейнар тронул мальчика за голову. Тот словно и не заметил. – Это также означает, что когда я сниму чары, он очнется мгновенно. А теперь смотрите.

Рейнар сделал сложное движение пальцами правой руки, затем провел ими вдоль левой к плечу. Казалось, он сдвинул вверх рукав, хотя с жесткой курткой это было невозможно; тем не менее рука теперь выглядела голой, царская вена отчетливо выделялась на коже.

Правой рукой Рейнар вновь тронул мальчика за голову, потом коснулся его висков и ущипнул за переносицу; повернул запястье и щелкнул пальцами.

Мальчик заморгал, глядя на его голую руку, вдохнул и высунул язык. Затем обеими руками ухватил ее и впился во внутреннюю сторону запястья, вгрызся в нее с чмоканьем, словно дикий зверь. Из рта капала слюна.

Рейнар ущипнул его загровок и что-то пробормотал. Глаза мальчика погасли, лицо одрябло, взгляд вновь стал пустым и бессмысленным.

Рейнар повернул руку в свете канделябра – теперь кожаный рукав был на прежнем месте, и все могли видеть укусы, пропоровшие его почти насквозь.

Лоренцо спросил без всякого выражения:

– Вы уверены, что это сделал именно герцог?

– Абсолютно уверен, синьор.

– Про герцога Галеаццо ходило много слухов...

– По большей части они верны, синьор. Герцог Сфорца полагал и, вероятно, справедливо, что пока его жестокости касаются лишь знати, народ будет его терпеть, однако вампиризм может переполнить чашу терпения.

– Как давно это?

– Полагаю, его заразили в прошлом году после покушения. На самом деле у него не было под дублетом кольчуги, и рана оказалась смертельной. Герцог держал в подземелье вампира – проводил над ним опыты, – и герцогиня Бона пообещала тому свободу, если он спасет герцогу жизнь.

Лоренцо сказал:

– Да, очень похоже на Бону. И объясняет перемены в его поступках. – Затем, резко: – Вам потребовалось двадцать месяцев, чтобы это выяснить?

– Я знал с прошлой зимы, синьор.

Лоренцо сузил глаза:

– Так почему...

Рейнар оттянул воротник.

– Прошлой зимой, синьор, герцог был голоден, а я – рядом. Лодовико очень пристально следит за... донорами своего брата, не заразились ли они. Мне приходилось действовать очень осторожно.

Он показал маленькие черные шрамы над ключицей.

– Извините, Рейнар. И вы... заражены?

– Нет, милорд. Тех, кого заразил, герцог заколачивает в сундук. Сундуки держит у себя в комнате и сидит там наедине с ними, слушает. Называет это своей палатой равных.

– Благая Венера, Галеаццо...

Цинтия не могла оторвать взгляд от мальчика. Он немного походил на ее брата. На подбородке у него высыхала слюна.

– Этот сбежал, – продолжал жестокий голос Рейнара. – Я поймал его, приманив на котенка...

– О, довольно! – воскликнул Джулиано.

– Это хирург?

Цинтия до нелепого смутилась от того, что все на нее смотрят.

– Да, – сказала она. – Сейчас?

– Это все равно придется сделать, – ответил Рейнар. – И у меня уходит много сил на то, чтобы его удерживать. Знакомы ли вы с...

– Я знаю, как это делается. – Цинтию внезапно разобрала злость. – Думаете, я испугалась?

– Извините, мадам, – мягко сказал Рейнар. – Я и сам довольно напуган.

Она глянула на шпиона, вернее, попыталась глянуть; лицо его не удавалось увидеть четко. Магия, подумала Цинтия, как иллюзия голой руки чуть раньше. Интересно, мелькнула у нее мысль, как он выглядит на самом деле и может ли увидеть себя в зеркале.

– Снимите с него рубашку, – сказала она, затем вытащила из сумки скальпель и машинально протерла спиртом, прежде чем сообразила, что чистота сейчас неважна.

Рейнар снял с себя пояс и стянул мальчику руки.

– Боль разрушит заклятие, – сказал он. – Мессер Джулиан...

Джулиан взял мальчика за щиколотки, а Рейнар опустил его на каменный пол и придавил ему плечи.

– Мадам?

Цинтия встала на колени, держа скальпель в правой руке, и принялась левой отсчитывать ребра. Грудь у мальчика была очень тощая. Надо было проткнуть внешний край легкого в вершине треугольника, основание которого составляют нижняя и верхняя полые вены, и рассечь жгут нервов на верхушке сердца.

Она слышала, что Лоренцо молится Минерве-целительнице. Правильно, наверное. И Асклепию тоже можно бы помолиться. После нервов сердца предстояло рассечь шейную часть позвоночника. Станет ли кто-нибудь из богов-врачевателей внимать кому-либо из семьи Риччи после того, как они с отцом поступили? Мужчины могли бы справиться и сами, всадив кинжал в сердце и шпагу в шею. Зрачки у мальчика сжались в булавочные головки. Еще чуть-чуть. Невежды обычно втыкают кинжал не туда, говорил ее учитель анатомии.

– Теперь держите его.

Прости меня.

– Не так и много крови.

– Да. Переверните его.

Второй удар был проще.

– Чего хотел мессер Лоренцо? – спросил Витторио Риччи.

– Я сделала хирургическую операцию мальчику в его доме.

От усталости и омерзения у Цинтии не было сил выдумывать что-нибудь еще, а Витторио и не спрашивал. Он взял записку со стола, за которым сидел, и протянул Цинтии.

– Еще одна, – сказал он. – Подсунули под дверь.

Она прочла:

Ученейшие врачи!

Мы чрезвычайно довольны и тем, как продвигается дело со здоровьем мессера Лоренца, и вашей похвальной скрытностью в этом деле.

Не премините любезно прописать лечение и мессеру Джулиано, как указывалось в предыдущем письме.

Когда курс лечения достигнет цели, ваши родные смогут завершить свой визит у нас и вернуться к свету, теплу и воздуху.

Ваши недремлющие.

– Теперь ты видишь, что я был прав, – сказал Витторио. – Если бы мы показали Медичи первое письмо, твоих матери, брата и сестры уже не было бы в живых.

Цинтии нечего было ответить.

– Я сделал новую настойку. У нее вкус безвременника, а содержание мочевых солей в два раза больше, чем в предыдущей. Я не ждал, что соли действуют так эффективно; возможно, нам и не придется прибегать к чистой настойке безвременника... – Витторио снова глянул на письмо. – Не знаю пока, как быть с Джулиано. Впрочем, ядов хватит на всех.

Цинтия, чувствуя пустоту в груди, повернулась и пошла прочь.

– Я не хотел тебя втягивать, – сказал Витторио Риччи ей вслед. Голос его дрожал. – Но за нами наверняка постоянно следят. Ты слышала, что мессер Лоренцо говорил про шпионов...

Он зарыдал. Цинтия остановилась было, но передумала. Пусть плачет. Пусть плачет за них обоих.

Она и впрямь думала о шпионах.

Она заглянула в кухню, взяла яйцо, апельсин и мисочку с топленным салом. Потом ушла к себе в спальню и заперлась.

Цинтия сняла плащ, затем платье и в одной рубашке села перед туалетным зеркалом. Рядом с зеркалом висел карандашный рисунок, ее портрет, сделанный художником из Винчи – подарок за разрешение посмотреть, как она вскрывает труп. Цинтия поглядела на рисунок, в зеркало, проследила на лице и шее линии костей и мышц. Сняла ожерелье, положила на стол.

Разбила яйцо в мисочку, отложила скорлупу и кисточкой нанесла белок на лицо – больше в уголках рта и глаз, меньше в остальных местах. Обмахнулась, давая белку высохнуть и стянуть кожу.

Смесь топленого сала с золой сделала ее волосы серыми, тусклыми и клочковатыми. Когда белок высох, она очистила апельсин и корочкой нанесла бурю краску.

Потом взяла ожерелье, надела на подвеску-крокус и повернула; лепестки раскрылись на крошечных петлях. Даря ей эту подвеску, Лоренцо отпустил глупую романтическую шутку про любовные снадобья, подсыпаемые в вино ничего не подозревающим мужчинам. Цинтия взяла из врачебной сумки склянку с голубоватым кристаллическим порошком, наполнила золотой цветок цианистым калием и закрыла лепестки.

Щипчиками и скальпелем она вытащила из яичной скорлупы пленки и вырезала два кружка с дырочками посередине. Подалась к зеркалу, оттянула веко, аккуратно приклеила пленку к главному яблоку, так чтобы дырочка пришлась точно на зрачок. Затем повторила то же с другим глазом.

Двигаясь больше на ощупь, она достала из шкафа длинное серое платье с капюшоном и пелериной. Надела белые чулки и коричневые сандалии. Извлекла из чулана резной посох. Ожерелье упрятала в пояс.

Из дома Цинтия вышла через черный ход. Она надеялась, что не многие вспомнят слепую сивиллу из «*Vita Juliani*» Лоренцо.

Некоторое время она брела закоулками, привыкая опираться на клюку и смотреть почти незрячими глазами, моргая как можно реже.

Она подошла к Арно, глянула через реку на высокую башенку Палаццо Веккьо и на огромный купол Пантеона Брунеллески, чудо Флоренции, ярко сиявший в вечернем свете. Воздух был совершенно чист, никакой дымки.

Неподалеку была скамья, с которой Цинтия могла наблюдать за улицей перед своим домом. Она села, выставив перед собой палку, и принялась наблюдать.

По улице тек непрерывный поток людей, многие, проходя, кланялись слепой старухе. Молодой человек опустился перед ней на колени и попросил напророчить ему удачу. Цинтия произнесла двусмысленный стишок из пьесы Лоренцо и сказала молодому человеку, что у того на дублете слишком много золота, что было правдой. Он в изумлении и ужасе уставился в ее мутные глаза, вложил ей в ладонь золотой флорин и ушел.

Цинтия почти улыбнулась. Затем вновь стала наблюдать.

Вскоре она его увидела: мужчина в буровато-зеленом платье показался из-за угла дома Риччи раз, другой, третий, четвертый. Она дала ему еще раз обойти дом – просто на случай, если это заблудившийся прохожий. Тут появился еще один мужчина и подошел к тому, что в зеленом. Они обменялись несколькими словами. Первый двинулся по улице в сторону Цинтии, второй начал обход вместо него.

Покуда человек в зеленом приближался, Цинтия сидела неподвижно, гадая, не узнал ли он ее, несмотря на маскарад... а может быть, видел ее с самого начала и теперь идет сказать, что игра окончена...

Он прошел справа, даже не глянув на нее, и вступил на мост.

Она выждала тридцать ударов сердца – сколько могла утерпеть – и двинулась за ним.

В центре города он зашагал окольными улочками среди городской толчеи. Цинтия потеряла бы его из виду, если бы слепота и палка не расчищали ей путь.

Наконец он исчез. Цинтия была уверена, что потеряла его, но продолжала идти, надеясь на чудо. И чуть не налетела на него в дверной арке.

Покуда они старались разминуться, дверь открылась, выглянул невысокий человечек, черноглазый, с крючковатым носом, в черном одеянии из грубой материи. Он был молод телом, но во взгляде читалась древняя горечь.

– Добрый день, святая матушка, – проговорил он и сделал странный жест.

Цинтия усилием воли заставила себя не смотреть на него. Страстность исходила от него, как жар.

– Будь благословен, – сказала она и пошла дальше, поводя палкой.

Дверь у нее за спиной захлопнулась.

На следующем углу Цинтия вновь повернула и подошла к дому с задней стороны. Окна были забраны железными ставнями. На второй этаж вела шаткая деревянная лестница.

Цинтия стянула с глаз пленки и зажмурилась – таким ослепительным показался свет. Она осторожно поднялась по лестнице, замирая на каждой скрипнувшей ступени.

Верхняя дверь была не заперта. Цинтия сбросила сандалии и бесшумно скользнула в дом.

В помещении наверху стояла прохлада, тишина и приятный для ее усталых глаз полумрак.

Снизу слышались голоса. Цинтия шагнула через открытую дверь в маленькую, скудно обставленную комнату; сюда голоса доносились отчетливее через отдушину гипокауста. Цинтия припала ухом к решетке.

– ...в доме. Девушка заперлась у себя в комнате. Вот и все.

– Вот видишь, как легко напугать тех, чья совесть нечиста. – Это был голос человека, который открыл дверь.

– Синьор...

– Брат.

– Брат, – сказал другой голос, – ты уверен, что врачи в сговоре с тиранами Медичи? Я не вижу...

– Не видишь? Не видишь? Ты шпионишь ради дела свободы, угодного богам, и не видишь? Может, ты что-нибудь от меня утаил?

– Нет, брат Савонарола, – испуганно произнес первый голос.

– Пойми, брат, – произнес страстный голос, уже мягче, – что Италию спасет лишь добрый герцог Миланский. Как только Медичи своим ростовщичеством погубят доблестного Сфорцу, они продадут и Флоренцию, и Милан Восточной империи, дабы Лоренцо Медичи правил, как правит в Риме гнусный Франческо Ровере...

Цинтия отодвинулась от решетки. Значит, Милан. И, судя по клевете, которую возвел на них этот лжец, возможно, и Византия.

И как только мир выносит такую подлость! Подвесь слово «тирания» перед носом молодого простака, и он побежит, словно за морковкой на палке. И осел будет тащить повозку – кто бы ею ни правил.

Однако теперь Цинтия знала имя: Савонарола. И сумеет отыскать этот дом даже с завязанными глазами. Впрочем, вернется она сюда с гонфалоньером правосудия и отрядом стражников.

Кто-то поднимался по лестнице.

Она замерла, но комната была маленькая. Ее увидят от входа. Она открыла узкую дверь чуланчика, втиснулась внутрь и закрылась изнутри.

Шаги вошли в комнату.

У Цинтии перехватило горло; сердце колотилось так, что казалось, его должно быть слышно, как барабан.

Снаружи донеслось шуршание ткани. Сквозь дверцу чулана отчетливо слышался голос Савонаролы:

– О Максимин Дайя, божественный император, помоги рабу твоему в этот полуночный час, дай Милану, городу тлетворного эдикта, где безбожный Юлиан узурпировал римскую корону, стать твоим орудием уничтожения, да истребится сперва этот город, а затем и сам Милан, и да возродится империя, которой ты некогда правил...

Раздался звук, похожий на хлопок в ладоши.

– Ибо здесь почитают женщин, и евреи разгуливают по улицам...

Снова хлопок.

– Помоги мне, Дайя. Помоги мне, Зевс, друг людей...

На третьем хлопке Цинтия узнала звук – удар кожаной плети о тело.

– Прости меня...

Хлоп.

Вскоре осталось лишь хныканье и мерные хлопки плети. Цинтия задышалась в душном чулане, пропахшем несвежим постельным бельем, и непроизвольно вздрагивала при каждом ударе. Она по-прежнему сжимала подвеску с голубоватым порошком.

Через десять тысяч лет звуки затихли. Сжимая палку обеими руками, Цинтия ее концом приоткрыла дверцу.

Савонарола, голый, ничком лежал на полу. Из свежих ссадин на спине еще сочилась кровь; под ними были старые, а под старыми – еще более старые. Цинтия обогнула его, не в силах отвести глаза. Ей представилось, как он вскакивает, наставляет на нее плетку, приговора дает ее к стене взглядом и голосом. Однако он не шевелился.

Цинтия вдруг поняла, что еще способна на жалость. Так что, возможно, ее душа не окончательно погублена.

Больше никого на этаже не было, и уж точно не было заложников. Цинтия спустилась на первый этаж. Тут тоже никого не оказалось, даже слуг. Спуска в подвал, если он и был, она не нашла.

Сверху донесся стон. Цинтия надела сандалии и вышла на улицу.

Домой она вернулась почти в темноте, тихонько проскользнула в комнату и начала смыть грим.

Стук в дверь.

– Цинтия?

– Сейчас, отец. – Она зачесала волосы назад, набросила платок и открыла дверь.

Витторио держал свечу и кубок с вином.

– Ты уходила. Где ты была? Я думал... тебя тоже похитили.

– Я... – Что говорить, а что нет? Отец не умеет интриговать, оттого-то они и оказались так беззащитны. – Я просто вышла прогуляться. И ужинать дома не буду, пойду в Палаццо Медичи.

– Я не слышал, чтобы тебя приглашали.

– Это было после вашего ухода. И к тому же вы знаете, нам там всегда рады. Хотите пойти со мной? Вам не стоит сидеть дома безвылазно...

– Нет. Нет. – Лицо Витторио казалось почти безумным. Свеча у него в руке дрожала. – Обязательно ли тебе сегодня туда идти, доченька? Шпион подумает, ты идешь донести...

– Отец, прошу вас, не надо.

Витторио закрыл глаза. Цинтия чувствовала его боль, но не могла больше терять время.

– Мне пора одеваться, иначе я опоздаю к ужину и вынуждена буду извиняться.

– Хорошо. Тогда... выпей хотя бы со мной вина, раз мне предстоит ужинать в одиночестве.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.